

Анна Лошерье

Глубже чем море

Серия «Глубже чем море», книга 1

<https://litres.ru/73905819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она перепутала причал на одну цифру.

Он спустился с холма посмотреть.

Ника — молодой морской биолог, которая умеет нырять на сорок метров и разговаривать с осьминогами, но не умеет принимать помощь. Алекс — холодный миллиардер с яхтой, серыми глазами и тайной, которую он носит внутри годами.

Три дня на Meridian. Сардиния, Корсика, Монако. Потом — вертолёт, сорок два дня разлуки и звонки, в которых важнее то, что не сказано, чем то, что сказано.

Это история про два течения, которые идут рядом, пока граница между ними не исчезает. Про страх, который не мешает выбору. Про то, что настоящее — медленное. Про людей, которые видят друг друга по-настоящему.

Горячие сцены. Глубокий конфликт. Хэппи-энд, который заработан.

Если любите Ви Киланд, Рони Лорен и Лею Аструм — это ваша книга.

18+ Содержит откровенные сцены для взрослых

Содержание

Глава 2. Сделка	21
Глава 3. Первый ужин	34
Глава 4. Утро без масок	48
Глава 5. Сардиния	63
Глава 6. Точка невозврата	78
Глава 7. Только вдвоём	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Анна Лошерье

Глубже чем море

Анна Лошерье

Глубже чем море

Современная проза. Любовный роман

Аннотация

Ей двадцать четыре, и она прилетает в Монако ради экспедиции, к которой шла три года — через гранты, отказы и бессонные ночи. Но у семнадцатого причала её ждёт не исследовательское судно, а роскошная яхта, принадлежащая человеку из совершенно другого мира. Одна цифра, одна случайность — и всё идёт не так, как было задумано.

Из неожиданной сделки рождается путешествие вдоль Средиземноморья — Сардиния, Корсика, Марсель, Генуя, Монако, — где два чужих друг другу человека сближаются так же неотвратно, как смешиваются у мыса два морских течения. Будут Москва и Милан, Бостон и шторм, трещины и обещания. История о том, что самое настоящее всегда случается медленно — и оказывается глубже, чем море.

Содержание

Глава 1. Не та яхта

Глава 2. Сделка

Глава 3. Первый ужин

Глава 4. Утро без масок

Глава 5. Сардиния

Глава 6. Точка невозврата

Глава 7. Только вдвоём

Глава 8. Трещина

Глава 9. Последний день

Глава 10. Корсика

Глава 11. Мыс Корсо

Глава 12. Сорок метров

Глава 13. Марсель

Глава 14. Утро в Марселе

Глава 15. Генуя

Глава 16. Монако

Глава 17. Вилла Де Санти. Второй раз.

Глава 18. Джеймс Холт

Глава 19. Последний день в Монако

Глава 20. Москва. Три недели спустя.

Глава 21. Воробьёвы горы

Глава 22. Четыре дня

Глава 23. Милан

Глава 24. Бостон

Глава 25. Шторм

Эпилог. Год спустя.

Глава 1. Не

та яхта

Говорят, что всё великое начинается со случайности.

Пенициллин. Теория относительности. Кока-кола. Список можно продолжать бесконечно, и в каждой такой истории обязательно найдётся момент — один-единственный, почти незаметный, — когда вселенная чуть сдвигает декорации и всё идёт не так, как было задумано. Не туда. Не с теми людьми. Не по тому причалу.

Моя история началась именно с этого.

С одной цифры.

Но об этом — чуть позже.

Монако в июле пахнет деньгами и морем. Причём именно в этом порядке.

Я поняла это в первые же десять минут, как вышла из такси и оказалась на набережной Порта Эркюль с рюкзаком на тридцать килограммов, сумкой с оборудованием через плечо и распечаткой в руке, которую июльский ветер немедленно попытался отнять. Я удержала. Ветер попробовал ещё раз. Я снова удержала — с тем упрямством, которое моя научный руководитель профессор Ланге называла «похвальной настойчивостью», а моя мама — просто «характером, доставшимся от деда».

Вокруг меня текла совершенно другая жизнь.

Женщины в платьях, которые стоили, наверное, столько же, сколько моя годовая стипендия, шли по набережной так, будто асфальт под ними был красной дорожкой. Мужчины

в льняных костюмах говорили по телефону на трёх языках сразу. Официанты в белых рубашках скользили между столиками прибрежных кафе с подносами, на которых одиноко стояли бокалы с чем-то янтарным и дорогим.

А я стояла посреди всего этого в джинсах, которые не первый год видели полевые экспедиции, в майке с логотипом Московского государственного университета, со своими тридцатью килограммами за спиной — и думала, что Средиземное море с этого ракурса выглядит совсем иначе, чем в научных статьях.

Синее. Ослепительно, почти неприлично синее.

Такое синее, что на него больно смотреть, если сразу — без привыкания, без подготовки. Оно лежало за белыми бортами яхт, за флагами и антеннами, за всей этой выставкой богатства и праздности — спокойное, древнее, бесконечно равнодушное ко всему, что происходило на берегу.

Я смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри разжимается.

Три года. Три года я шла к этому моменту — через гранты, через отказы, через бессонные ночи в лаборатории, через научные конференции, где на меня смотрели с тем вежливым скептицизмом, который приберегают для молодых женщин, имеющих наглость разбираться в своём предмете. Три года — и вот оно. Средиземное море. Экспедиция. Сто тысяч евро финансирования и шесть недель исследований, которые могут стать основой моей диссертации.

Мне было двадцать четыре года, и я впервые в жизни чувствовала, что стою ровно там, где должна стоять.

— Причал D, место семнадцать, — пробормотала я себе под нос, снова сверившись с бумажкой. — Исследовательское судно «Посейдон». Отплытие в восемнадцать ноль-ноль. Всё просто.

Я закинула рюкзак поудобнее, подхватила сумку и двинулась вперёд.

Надо было сказать — каблуки были ошибкой.

Не катастрофической, не судьбоносной — просто ошибкой человека, который вылетел из Москвы прямым рейсом, в аэропорту переоделся в то, что казалось уместным для «прибытия в Монако», и совершенно не подумал о том, что деревянные доски причала и шпильки — это не то сочетание, которое стоит проверять на практике.

Я проверила.

Каблук цеплялся за каждую щель. Рюкзак тянул назад. Сумка с оборудованием норовила съехать с плеча. Солнце стояло прямо над головой и работало с той беспощадной эффективностью, на которую способно только июльское средиземноморское солнце — без тени, без пощады, без малейшего намёка на облака.

Я шла и мысленно составляла список вещей, которые сделаю иначе в следующий раз. Удобная обувь стояла первым пунктом. Очки от солнца — вторым. Третьим пунктом шло «не читать письма от института в три часа ночи перед выле-

том и не пересказывать их себе по памяти вместо того, чтобы перечитать ещё раз».

Но это я выясню позже.

Причал D нашёлся без труда — указатели здесь были сделаны для людей, у которых нет времени искать. Я прошла мимо нескольких яхт, каждая из которых выглядела дороже предыдущей, и начала считать места.

Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

Яхты становились больше по мере того, как я продвигалась вперёд. У пятнадцатого места стояло что-то с вертолётной площадкой на корме — я не удержалась и притормозила на секунду, потому что вертолётная площадка на яхте это было уже немного чересчур даже для Монако. Шестнадцатое место занимала яхта поскромнее, с флагом Панамы и командой, которая драила палубу с видом людей, делавших это уже часа три.

Семнадцатое место.

Я остановилась.

Поставила сумку на доски причала. Медленно. Потому что мне нужна была секунда — просто секунда, — чтобы посмотреть на то, что стояло у семнадцатого места, и найти в этом какой-то смысл, который согласовывался бы с логикой и здравым рассудком.

Это была не исследовательская посудина.

Исследовательские суда я знала хорошо — видела их в разных портах, в разных морях, в разных состояниях от «по-

что новый» до «держится из последних сил и упрямства команды». Они бывают большими и маленькими, старыми и современными, но в них всегда есть что-то — какой-то общий признак рабочего судна: оборудование на палубе, лебёдки, траловые рамы, антенны, люди в рабочих комбинезонах.

Ничего из этого здесь не было.

То, что стояло у семнадцатого места, было произведением искусства в том смысле, в каком искусством может быть вещь, созданная с одной-единственной целью — производить впечатление. Белый корпус, идеально чистый, без единого пятна или царапины, ловил солнечный свет и отбрасывал его обратно с такой самодовольной щедростью, что больно было смотреть. Три палубы. Хромированные поручни, тускло-зеркальные. Широкая корма с опущенным трапом. На носу — золотые буквы, ровные и уверенные, как подпись на важном документе: «Meridian».

Я стояла и смотрела.

Метров пятьдесят в длину. Может, чуть больше. Такие яхты я до этого видела только на фотографиях в статьях про Forbes, где их хозяева позировали с видом людей, у которых есть всё и которым от этого немного скучно.

Потом я посмотрела на бумажку.

Причал D, место 17. Исследовательское судно «Посейдон».

Потом на яхту.

Потом снова на бумажку.

Бумажка была та же самая. Яхта тоже никуда не делась.

— Ну и ладно, — сказала я вслух — привычка, от которой я безуспешно пытаюсь избавиться с подросткового возраста. — Может, Морской институт богаче, чем я думала.

Это, конечно, было абсурдом. Морской институт едва наскрёб финансирование на самую экспедицию, директор три месяца выбивал гранты и ходил с видом человека, у которого хроническое несварение. Но трап был опущен. На причале никого. И отплытие через два часа.

Я поправила ляжку рюкзака — жест абсолютно бессмысленный с точки зрения физики, но психологически необходимый, — подхватила сумку и поднялась на борт.

Палуба встретила меня тишиной.

Не той тишиной, которая бывает от отсутствия звуков — здесь были звуки: слабый плеск воды о борта, далёкий гул порта, крики чаек где-то в стороне. Это была другая тишина. Та, которая живёт в пространстве, привыкшем к определённым сорту людей и определённой сорту жизни. Дорогая тишина. Намеренная.

Палуба была сделана из тика — светлое дерево, тёплое под подошвами даже через каблуки, натёртое до ровного матового блеска. Шезлонги с кремовыми подушками стояли у поручней в том порядке, который кажется небрежным, но на самом деле выверен до сантиметра. Низкий стол между ними — снова тик, снова безупречный. На столе ведёрко со льдом, в ведёрке бутылка красного, и этикетку я не знала, но

по одному виду бутылки понимала, что это что-то, о чём я читала, но никогда не пробовала.

Явно не казённое.

Что-то внутри меня сказало: стоп.

Я его не послушала. У меня была бумажка с адресом, у меня была экспедиция, у меня было три года работы на кону. Когда всё это есть — маленький внутренний голос уходит на второй план.

— Есть кто-нибудь? — позвала я.

Эхо ушло куда-то вглубь судна и вернулось ни с чем.

Открытая дверь вела внутрь — в темноту, прохладу, запах дерева и чего-то ещё, едва уловимого. Парфюм, может быть. Или просто воздух, который бывает в пространстве, где никогда не бывает ничего дешёвого.

Я сделала шаг внутрь.

Потом ещё один.

Глаза привыкали к полутени после слепящего солнца снаружи, и салон проявлялся постепенно — как фотография в проявителе, деталь за деталью. Диваны цвета слоновой кости, длинные, с подушками, которые никто, судя по всему, не мял. Ковёр — тёмный, плотный, заглушающий шаги. Низкий журнальный столик с единственным предметом на нём: книгой, лежащей лицом вниз, как будто читатель только что отложил её и вышел на минуту.

На стене — картина. Большая, в простой раме, масло на холсте. Абстракция в серо-синих тонах, в которой угадыва-

лось море — не конкретное, не географическое, а то, которое существует только в снах и в голове у людей, которые думают о нём слишком много.

Я смотрела на неё дольше, чем нужно было.

Система климат-контроля работала так тихо, что прохлада чувствовалась раньше, чем я успела её осознать. После палубного солнца это было как нырнуть в воду — сразу, всем телом.

— Привет? — повторила я тише. — Есть кто-нибудь на борту?

— Вы заблудились.

Голос пришёл сзади.

Я обернулась — резко, с тем инстинктивным движением человека, которого застали врасплох там, где он не должен быть, — и рюкзак, разумеется, качнулся и чуть не снёс со столика ту самую книгу. Я поймала ляжку. Книга устояла. Моё достоинство — более или менее тоже.

Он стоял в дверях, ведущих с кормовой палубы.

И вот здесь мне нужно остановиться. Потому что есть вещи, которые можно описать быстро — погода, интерьер, перечень событий. А есть вещи, которые требуют времени. Не потому что они сложные. А потому что если сделать это быстро — потеряется что-то важное. Что-то, что невозможно передать в одном предложении.

Он был высоким. Это я отметила первым — раньше лица, раньше всего остального. Не просто высоким в смысле «вы-

ше среднего» — а высоким в том смысле, что пространство вокруг него как будто перестраивалось под этот факт. Дверной проём, в котором он стоял, был явно сделан для людей нормального роста, и он заполнял его с той спокойной уверенностью человека, привыкшего быть самым крупным объектом в любой комнате.

Белая льняная рубашка с закатанными рукавами. Тёмные волосы — чуть влажные у висков, как будто он только что вышел из воды или из душа. Загар — не тот суетливый загар человека, который специально ходит в солярий, а ровный, глубокий загар того, кто проводит много времени под открытым небом и не думает об этом.

Лицо.

Вот здесь я и правда затрудняюсь с быстрым описанием.

Резкие скулы. Прямая линия носа. Рот — спокойный, закрытый, без малейшего намёка на то, что он вообще когда-либо улыбается. Лёгкая щетина — не небрежность, а что-то намеренное, как всё остальное в нём. Челюсть такая, что скульпторы эпохи Возрождения потратили бы на неё весь запас лучшего каррарского мрамора и остались бы довольны.

И глаза.

Серые. Очень светлые. Такие, от которых трудно отвести взгляд — не потому что они красивые, хотя это тоже правда, — а потому что в них было что-то, от чего у меня по позвоночнику прошла холодная волна. Не страх. Что-то другое.

Что-то, для чего я тогда ещё не знала правильного слова.

Он смотрел на меня так, будто я была явлением, требующим классификации. Спокойно. Без раздражения, без удивления, без того инстинктивного неудобства, которое большинство людей испытывают, обнаружив чужого человека у себя в салоне. Просто — смотрел. Оценивал. С той скучающей точностью, которая бывает только у людей, привыкших оценивать всё и всех вокруг, и давно переставших получать от этого удовольствие.

Я поняла в этот момент несколько вещей одновременно.

Первое: это не исследовательское судно.

Второе: этот человек не имеет никакого отношения к Морскому институту.

Третье: я стою посреди чужой яхты с рюкзаком и сумкой, и выражение моего лица сейчас, по всей видимости, оставляет желать лучшего.

— Эм, — сказала я. Потому что иногда красноречие меня подводит.

Он не ответил. Ждал. С видом человека, у которого есть всё время мира и который совершенно не намерен тратить его на то, чтобы облегчать чужую неловкость.

Я выпрямилась. Закинула рюкзак поудобнее — снова этот бессмысленный жест, но он помогает сосредоточиться. Каблуки добавляли мне пять сантиметров, и я была благодарна им впервые за весь день.

— Это причал D, место семнадцать? — спросила я.

Пауза. Короткая — в одно дыхание.

— Да, — сказал он.

Голос был низким. Ровным. Без интонаций, которые что-нибудь выдавали бы.

— Тогда я не заблудилась. — Я достала телефон, нашла письмо от института — нашла со второй попытки, потому что пальцы почему-то не сразу нашли нужную папку. — Я Ника Соколова. Морской биолог. Меня должны были встретить здесь. Экспедиция «Нептун-2», исследовательское судно «Посейдон».

Я показала ему экран. Он посмотрел. Не взял телефон — просто посмотрел с того расстояния, с которого стоял, и этого, судя по всему, ему было достаточно.

— «Посейдон», — повторил он. Медленно. Как будто пробуя слово на вкус.

— Именно.

Молчание.

Он не торопился. Совсем. Это была, я уже понимала, одна из его черт — не спешить. Не потому что ему нечего было сказать, а потому что он не считал нужным подчиняться чужому темпу. Он стоял у дверей, скрестив руки — жест, который на другом человеке выглядел бы оборонительным, а на нём выглядел просто как удобная поза, — и в его глазах происходило что-то, чего я не могла прочесть.

— Место семнадцать — это я, — сказал он наконец. — «Посейдон» стоит на восемнадцатом.

Я посмотрела на бумажку.

Потом на него.

D-17. D-18.

Одна цифра. Одна маленькая, совершенно ничтожная цифра — разница между исследовательским судном и этим вот всем, — которую я умудрилась перепутать, потому что читала письмо в три часа ночи и запоминала на слух, а не глазами.

Тишина в салоне стала гуще.

Я стояла с бумажкой в руке, с рюкзаком на плечах, посреди чужой яхты, и смотрела на цифру «17», которая смотрела на меня в ответ с видом абсолютной и непоколебимой правоты.

— Понятно, — сказала я. Максимально нейтрально. Максимально спокойно.

Подхватила сумку. Поправила рюкзак. Развернулась к трапу — с достоинством, с которым может развернуться человек, только что нашедший себя не там, где нужно, посреди чужой собственности.

— Он ушёл.

Три слова. Произнесённые без спешки, без интонации — просто факт, брошенный в спину.

Я остановилась.

Не сразу. Сначала мой мозг попробовал решить, может ли это относиться к чему-нибудь другому. Не смог.

Я обернулась.

— Что?

— «Посейдон». — Он не изменил позы. Не сдвинулся с места. — Ушёл около двух часов назад. Расписание сдвинули из-за погоды на северо-западе.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

За иллюминаторами Средиземное море лежало синим и безмятежным и совершенно равнодушным к тому, что происходило на этой яхте.

— Они не могли уйти без меня, — сказала я медленно. — Я главный биолог экспедиции. Меня не могли просто... — Я запнулась. — Они должны были позвонить.

— Могу я поинтересоваться вашим телефоном?

Я посмотрела на экран.

Тринадцать пропущенных вызовов. Четыре сообщения. Всё — за последние три часа. Институт. Координатор экспедиции. Капитан «Посейдона». Снова институт.

Беззвучный режим. Аэропорт Шереметьево, зона регистрации, три часа назад. Я поставила и забыла. Потому что в Шереметьево всегда объявления, всегда шум, и я уже научилась автоматически отключать звук и так же автоматически забывать его включить.

Я стояла и смотрела на эти тринадцать вызовов.

Потом закрыла глаза на секунду.

— Вот же, — сказала я тихо, по-русски, — чёрт.

— Я не говорю по-русски, — произнёс он из своего двер-

ного проёма. — Но смысл, в целом, понятен.

Я открыла глаза. Он стоял там же, где стоял, — и теперь я видела то, чего не заметила раньше. Что-то в уголке его рта. Едва-едва. Почти ничего. Не улыбка — нет. Скорее намёк на то, что улыбка теоретически существует как явление и он об этом осведомлён.

— Алекс Вэйн, — сказал он. Не протянул руку — просто назвал имя, как называют координаты: точно и достаточно. Потом кивнул в сторону бара. — Вам нужен бокал вина. И нам нужно поговорить.

Позже я много раз прокручивала этот момент.

Мне следовало развернуться и уйти. Позвонить в институт, устроить скандал, найти ближайший отель, сесть на первый катер, который шёл в нужном направлении, и догнать «Посейдон» своим ходом — потому что я умею так. Я умею справляться сама. Это всегда было моим главным навыком, моей защитой и, если честно, моей гордостью.

Вместо этого я поставила рюкзак на пол.

Сняла сумку с плеча.

И осталась.

Это была моя вторая ошибка за день. Первая — цифра, перепутанная в три часа ночи, — изменила мой маршрут. Вторая изменила всё остальное.

Но об этом я узнаю позже.

А пока — я осталась.

Глава 2. Сделка

Бар на яхте Алекса Вэйна выглядел так, как выглядят вещи, когда за ними стоят не деньги, а вкус.

Разница, как я успела заметить за двадцать четыре года жизни, существенная. Деньги — это когда всего много и всё громко заявляет о своей цене. Вкус — это когда всего ровно столько, сколько нужно, и ничто ни о чём не кричит. Бутылки стояли в подсвеченных нишах за стеклом — не десятки, не коллекция ради коллекции, а штук двадцать, не больше, каждая на своём месте, каждая, судя по всему, там по причине. Бокалы висели вверх ногами на специальных держателях — тонкое стекло, длинные ножи, форма, которую я видела только в ресторанах, куда меня никогда не приглашали.

Я села на высокий табурет у стойки.

Точнее — я попыталась сесть на высокий табурет у стойки с той непринуждённостью, которая подразумевает, что ты делаешь это каждый день, и едва не промахнулась, потому что каблук снова подвёл в самый неподходящий момент. Удержалась. Устроилась. Сделала вид, что так и задумывалось.

Алекс Вэйн, судя по всему, ничего не заметил.

Или заметил и не счёл нужным это показывать — что, если подумать, ещё хуже.

Он открыл бар, достал бутылку — не ту, что стояла в ве-

дёрке на палубе, другую, — и налил два бокала с такой экономностью движений, которая бывает у людей, делающих привычные вещи без лишних жестов. Поставил один передо мной. Второй взял сам, но пить не стал — просто держал в руке, слегка наклонив, так что вино качалось у самого края.

Я посмотрела на свой бокал.

Тёмно-рубиновое. Почти чёрное у ножки. В свете бара от него шёл едва уловимый запах — что-то тёплое, чуть смолистое, с далёким намёком на вишню и кожу.

— Это что? — спросила я.

— Бароло. Две тысячи двенадцатый год.

Я кивнула с видом человека, которому это что-то говорит.

Это мне ничего не говорило. Вернее, говорило ровно одно: очень дорого. Бароло я знала как слово — слышала на каких-то лекциях о средиземноморской культуре, читала в статьях, где его упоминали вскользь, как упоминают вещи, само собой разумеющиеся для определённого круга. В этот круг я не входила. Моя студенческая жизнь последние три года состояла из растворимого кофе, университетской столовой и редких вылазок в кафе, где бокал вина стоил восемь евро и этого было достаточно.

Я взяла бокал. Сделала осторожный глоток.

И поняла, что все предыдущие восемь евро были просто подготовкой к этому моменту.

— Хорошо, — сказала я сдержанно.

— Да, — согласился он. Без удовлетворения, без ожида-

ния похвалы. Просто — да, факт подтверждён.

Он сел напротив меня — не на табурет, а на диван у иллюминатора, закинув ногу на ногу с той свободой, которая бывает у людей в собственном пространстве. Рубашка на нём была расстёгнута на две верхние пуговицы. Я старалась на это не смотреть. Смотрела на иллюминатор за его плечом — там качалась синяя вода, и в ней отражалось небо, и всё вместе это было почти невыносимо красиво в своей абсолютной безразличности к моим проблемам.

— Расскажите мне про экспедицию, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Зачем?

— Мне нужно понять, с кем я разговариваю.

Это прозвучало не грубо. Просто прямо — с той прямо-той, которая не оставляет пространства для обиды, потому что в ней нет ничего личного. Просто запрос информации. Просто оценка ситуации.

Я помолчала секунду. Потом решила, что терять мне особенно нечего — «Посейдон» ушёл, телефон молчит, и единственный человек в радиусе разумной досягаемости сидит напротив меня с бокалом бароло и ждёт.

— Я изучаю глубоководных головоногих, — сказала я. — Осьминогов, кальмаров, каракатиц. Конкретно — их миграционные паттерны и адаптации к изменению температуры воды. Экспедиция «Нептун-2» — это шесть недель исследований в западной части Средиземноморья. Я выиграла грант

на участие год назад. Это моя диссертация. Это три года работы.

Я остановилась.

— И теперь судно, на котором всё это должно было произойти, ушло без меня, потому что я перепутала причал на одну цифру и поставила телефон на беззвучный в аэропорту.

Тишина.

Алекс Вэйн смотрел на меня всё тем же взглядом — спокойным, оценивающим, без малейшего признака сочувствия, но и без жестокости. Просто смотрел и думал о чём-то своём, и я не могла прочесть, о чём именно.

— Головоногие, — повторил он наконец.

— Головоногие, — подтвердила я.

— Это осьминоги.

— В том числе.

Пауза. Он наклонил бокал чуть сильнее, посмотрел на вино, как смотрят на что-то, требующее обдумывания.

— Куда шёл «Посейдон»?

— Первая точка — между Корсикой и Сардинией. Потом вдоль тирренского побережья. Финальная — архипелаг Эгады у западной Сицилии.

Что-то в его лице изменилось. Едва заметно — как лёгкое движение под поверхностью воды, когда не видишь, что именно, но чувствуешь, что что-то там есть.

— «Meridian» идёт на Сардинию, — сказал он.

Я опустила бокал.

Смотрела на него.

— Мы выходим сегодня вечером, — продолжил он, — в восемнадцать тридцать. У меня деловые встречи на Коста-Смеральда. После — Корсика. Потом, возможно, Тоскана.

Я молчала. В голове что-то начинало складываться — медленно, осторожно, как складывается пазл, когда ты ещё не уверен, правильные ли детали держишь в руках.

— Вы предлагаете мне...

— Ничего, — сказал он. — Пока. Я излагаю факты.

Это был, я поняла, его стиль. Не спрашивать. Не объяснять больше, чем нужно. Давать информацию дозированно — ровно столько, чтобы собеседник сам пришёл к нужному выводу и при этом думал, что вывод его собственный.

Умный. Неприятно умный.

— Продолжайте излагать факты, — сказала я.

Что-то снова дрогнуло в уголке его рта. Снова почти ничего. Снова этот намёк на что-то, что могло бы стать улыбкой в другой жизни.

— На борту «Meridian» сегодня вечером должна была находиться моя коллега. Партнёр по нескольким совместным проектам, — произнёс он ровно. — Она не приедет. Семейные обстоятельства. Это создаёт определённую... неловкость.

— Какого рода неловкость?

Он помолчал секунду. Именно секунду — не дольше.

— На Коста-Смеральда меня ждут люди, с которыми я веду переговоры уже восемь месяцев. Крупная сделка. Они придают значение деталям. Личным деталям. — Пауза. — Присутствие женщины на борту в данном контексте является одной из таких деталей.

Я медленно поставила бокал на стойку.

— Вы хотите, чтобы я изображала вашу... кого?

— Ничего конкретного, — сказал он. — Просто присутствовала. Ужины, один-два деловых вечера. Три дня, максимум четыре. После этого я обеспечиваю вам трансфер к точке встречи с «Посейдоном» у побережья Корсики.

— Вы можете это сделать?

— Вертолёт или быстроходный катер. Что предпочтёте.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

За иллюминатором начинало клониться к вечеру средиземноморское солнце — не садилось ещё, нет, просто слегка меняло угол, и свет в салоне стал чуть теплее, чуть золотистее, и от этого всё вокруг выглядело немного нереально. Как декорация. Как сцена из чужой жизни, в которую я попала по ошибке.

По ошибке на одну цифру.

— Почему я? — спросила я наконец.

— Потому что вы здесь.

— Это не причина.

— Это достаточная причина, — сказал он. — Альтерна-

тива — вы уходите, я связываюсь с агентством и провожу следующие три часа, объясняя ситуацию людям, которые в любом случае пришлют кого-то неподходящего. — Маленькая пауза. — Вы, по крайней мере, умеете разговаривать.

— Вы слышали, как я говорю ровно пятнадцать минут.

— Этого достаточно.

Я не знала, как расценивать это. Как комплимент — странный, скупой, произнесённый тоном статистической констатации? Как прагматичный расчёт человека, который привык решать проблемы самым коротким маршрутом? Или просто как факт, потому что он, кажется, только так и умел — фактами, без украшений, без попыток сделать что-то более привлекательным, чем оно есть?

— Ваши условия? — спросила я.

— Три дня на борту. Участие в двух ужинах и одном вечернем мероприятии. Никаких вопросов о моих делах, никаких разговоров с партнёрами о том, кто вы и откуда. Легенда простая: старая знакомая, случайно оказалась в Монако. — Он смотрел на меня ровно. — Это не потребует от вас актёрского мастерства. Просто присутствие.

— А если кто-то спросит, чем я занимаюсь?

— Скажите правду. Морской биолог — это достаточно экзотично, чтобы вызвать интерес, и достаточно нейтрально, чтобы не провоцировать вопросов.

Я помолчала.

Вино в бокале стояло нетронутым уже несколько минут,

и я взяла его снова — не потому что хотела пить, а потому что нужно было что-то делать руками, пока голова работала.

Три дня. Два ужина. Вертолёт до «Посейдона».

Альтернатива: звонок в институт, объяснения, которые я не была готова давать, поиск транспорта своими силами, потеря как минимум недели экспедиционного времени. Возможно — потеря места в экспедиции вообще, потому что директор института человек нервный и давление на него оказывается со всех сторон одновременно.

Я смотрела на Алекса Вэйна.

На его спокойное лицо, на серые глаза, в которых не было ни тени сомнения в том, что я соглашусь, — и именно это спокойствие, эта уверенность без демонстрации задела что-то внутри меня острым краем.

— Одно условие, — сказала я.

Лёгкое движение бровей. Почти незаметное.

— Слушаю.

— Мне нужен доступ к научной литературе. Интернет на борту, тихое место, где я могу работать. Три дня простоя — это три дня, которые я могу использовать для подготовки к исследованиям.

Долгая пауза.

— Это всё? — спросил он.

— Это всё.

Он смотрел на меня ещё секунду. Потом кивнул — коротко, однажды, как ставят точку в конце предложения.

— Договорились.

Мы не пожали руки. Он не встал, не протянул ладонь, не сделал ничего из того, что обычно сопровождает договорённость между людьми. Просто — договорились, и это слово повисло в воздухе салона, как подпись под документом, который никто не читал целиком, но оба подписали.

Я допила вино.

Оно было по-прежнему превосходным. Тёплым и сложным — как всё в этот день.

— Мне нужно позвонить в институт, — сказала я, вставая.

— Разумеется. — Он указал в сторону кормы. — Каюта на левом борту, вторая дверь. Там ваши вещи уже перенесли.

Я остановилась.

— Когда?

— Пока мы разговаривали.

Я смотрела на него.

— Вы были уверены, что я соглашусь.

Он не ответил. Только поднял свой бокал и сделал первый глоток — спокойно, не спеша, с видом человека, который не говорит очевидных вещей.

Это был, я поняла, тоже ответ.

Каюта оказалась размером с приличную однокомнатную квартиру.

Я стояла в дверях и просто смотрела несколько секунд — потому что иногда нужна пауза между тем, чего ты ожидаешь, и тем, что есть на самом деле. Кровать — широкая, с

льняным бельём цвета топлёного молока, с подушками, которых было подозрительно много. Иллюминатор в полстены, и за ним — море, уже начинающее розоветь на горизонте от вечернего света. Маленький письменный стол с лампой. Встроенный шкаф. Ванная за приоткрытой дверью — белый мрамор, хромированные краны, полотенца, сложенные так аккуратно, что их жалко было трогать.

Мой рюкзак стоял у кровати. Сумка с оборудованием — рядом.

Кто-то перенёс их сюда тихо и быстро, пока я сидела у бара и торговалась с человеком, который, как выяснилось, уже всё решил до начала переговоров.

Я вошла. Закрыла дверь за собой.

Достала телефон.

Тринадцать пропущенных. Я нашла номер координатора экспедиции — Марко Феличе, маленький нервный итальянец с рыжими усами — и нажала вызов.

Он ответил после первого гудка.

— Соколова. — Голос у него был таким, каким бывает голос человека, которого три часа держат на взводе. — Наконец-то. Мы уже думали...

— Я знаю, Марко. Я знаю. Слушайте меня внимательно.

Разговор занял двадцать минут. Из них пятнадцать Марко говорил, а я слушала и время от времени произносила «да», «понимаю» и «я всё улажу». Последние пять минут говорила я. К концу у меня была договорённость: через четыре

дня «Посейдон» сделает остановку у мыса Корсо на Корсике. Там меня заберут. Я теряю четыре дня экспедиционного времени, но не теряю место и не теряю финансирование.

Это был, учитывая обстоятельства, наилучший из возможных исходов.

Я положила телефон на кровать и легла рядом — прямо так, в джинсах и майке, лицом в потолок. Потолок был белый, чистый, без единого пятна. Яхта чуть качалась — едва ощутимо, как люлька.

Я закрыла глаза.

Подумала о том, что сегодня утром в московском аэропорту у меня был чёткий план на ближайшие шесть недель. Что план рассыпался из-за одной цифры и беззвучного режима на телефоне. Что я лежу сейчас на чужой яхте за несколько сотен миллионов евро, договорившись изобразить знакомую человека, чьего отчества я не знаю и о котором мне неизвестно ровным счётом ничего, кроме имени и фамилии и того, что у него очень холодные серые глаза и очень дорогое вино.

Подумала об этом.

Потом подумала о море за иллюминатором.

О том, что завтра утром оно будет другим — другой берег, другая глубина, другой цвет.

И почему-то именно эта мысль успокоила меня больше всего остального.

В восемнадцать тридцать «Meridian» вышел из порта Мо-

нако.

Я стояла на носовой палубе и смотрела, как берег отступает — медленно, неохотно, как уходят вещи, к которым не успел привязаться. Огни набережной. Белые здания, лепящиеся к скалам. Казино на горе — такое же самодовольное издалека, как вблизи.

Ветер был тёплым и нёс запах соли и чего-то ещё — водорослей, может быть, или просто открытого моря, которое начиналось за волноломом и тянулось дальше, за горизонт, туда, где уже ничего нет, кроме воды и неба и всего, что живёт между ними.

Я не слышала шагов — он двигался тихо для человека такого роста.

Просто в какой-то момент он оказался рядом. Встал у поручней на расстоянии двух шагов — не близко, но и не так далеко, чтобы это была случайность. Смотрел вперёд, туда, куда шла яхта.

Молчание между нами было другим, чем в салоне. Там оно было рабочим — заполненным словами, которые ещё не прозвучали. Здесь оно было просто молчанием. Двух людей, смотрящих на одно море.

— Вы часто так делаете? — спросила я наконец.

— Как?

— Берёте случайных людей с причала.

Пауза. Небольшая.

— Нет, — сказал он.

— Тогда почему?

Он не ответил сразу. Посмотрел на горизонт, где небо уже начинало темнеть по краям — не закат ещё, но предчувствие заката, тот час, когда свет становится горизонтальным и всё вокруг приобретает глубину, которой не было днём.

— Потому что вы вошли на мой борт так, — сказал он медленно, — как будто имели на это полное право.

Я посмотрела на него.

Он по-прежнему смотрел вперёд.

— Это не комплимент, — добавил он. — Просто наблюдение.

— Я знаю, — сказала я.

И почему-то именно это — то, что он не пытался сделать из этого комплимент, не смягчал, не украшал — ощущалось честнее всего остального, что происходило в этот день.

Мы стояли рядом у поручней, и «Meridian» шёл в открытое море, и берег становился всё тоньше и тоньше, пока не превратился в тёмную черту, а потом и её не стало.

Впереди было только море.

И четыре дня, которые я ещё не умела представить.

Глава 3. Первый ужин

Платье нашлось в шкафу.

Я обнаружила его случайно — открыла встроенный шкаф в поисках вешалки для джинсовой куртки и остановилась, потому что внутри висело несколько вещей, которые точно не были моими. Чёрное платье на плечиках — простое с первого взгляда, из тяжёлого шёлка, который даже на вешалке держал форму так, как умеют держать только очень дорогие вещи. Рядом — лёгкий кремовый жакет. На полке внизу — туфли, чёрные, с тонким ремешком, мой размер.

Я стояла и смотрела на всё это несколько секунд.

Потом взяла платье за вешалку, вынесла из шкафа и рассмотрела при свете иллюминатора. Никакого лейбла на вороте — или он был срезан, или изначально не предполагался. Ткань скользила между пальцами как вода. Крой был из тех, что выглядит минималистично на вешалке и совсем иначе — на теле.

Я вернула платье в шкаф, вышла из каюты и прошла по коридору до двери в конце — той, за которой, судя по всему, находился кабинет или что-то вроде него. Постучала.

— Войдите.

Алекс сидел за столом перед ноутбуком. На столе рядом — стакан с водой и несколько распечатанных листов, покрытых пометками от руки. Он поднял взгляд, когда я вошла, —

ровно, без изменения выражения лица.

— В шкафу в моей каюте чужие вещи, — сказала я.

— Не чужие. Ваши.

— Я их не привозила.

— Монако — маленький город. Некоторые вещи решаются быстро, если знать, кому позвонить.

Я смотрела на него.

— Вы купили мне одежду.

— Я обеспечил вас тем, что необходимо для участия в ужинах. — Он вернул взгляд к ноутбуку. — Это часть договорённости.

— Мы не договаривались об одежде.

— Мы договорились о вашем участии. Одежда — это условие участия, а не отдельный пункт.

Это было сказано тоном человека, закрывающего вопрос, который считает несущественным. Меня это, разумеется, задело — с той точностью, с которой задевает всё, что обходится с твоим мнением как с помехой в чужом процессе.

— Я могла бы надеть своё, — сказала я.

— Могли бы, — согласился он. — Но не стали бы. Потому что на ужине будет несколько человек, для которых детали имеют значение, и вы достаточно умны, чтобы это понимать.

Пауза.

— Это снова не комплимент, — добавил он, не поднимая глаз от экрана.

— Я уже начинаю привыкать к вашим не-комплиментам,

— сказала я.

На этот раз пауза была чуть длиннее обычного. Потом — совсем тихо, почти неслышно — что-то изменилось в его дыхании. Не смех. Что-то мельче. Что-то, что предшествует смеху у людей, которые давно разучились это делать.

— Ужин в двадцать тридцать, — сказал он. — Гости придут на борт в двадцать. Прошу вас быть готовой к этому времени.

Я развернулась к двери.

— Ника.

Я остановилась. Он произнёс моё имя впервые — именно моё, не «Соколова», не «вы». Просто — Ника. Коротко, без интонации, как будто примерял слово и остался им нейтрально удовлетворён.

Обернулась.

— Платье вам подойдёт, — сказал он. Снова смотрел в экран.

Я ничего не ответила.

Вышла. Закрыла дверь.

И только в коридоре позволила себе выдохнуть — медленно, до конца — потому что почему-то в его присутствии дышать приходилось чуть более осознанно, чем обычно.

Платье подошло.

Я стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на себя с тем чувством лёгкого отчуждения, которое бывает, когда видишь себя иначе, чем привык. Шёлк лежал именно так, как

я предполагала — скользил по линиям тела, не облекая, не скрывая, а как-то очень точно существуя рядом с ними. Бретели тонкие. Вырез на спине — глубокий, неожиданно, я не сразу это заметила. Подол — чуть ниже колена.

Простое платье, которое ничего не пытается сказать о себе.

И именно поэтому говорит всё.

Я подняла волосы — тёмные, чуть волнистые от морского воздуха — в простой узел на затылке, оставив несколько прядей у висков. Нашла в косметичке тушь и помаду — тёмно-красную, которую брала для «на всякий случай» и которую ни разу не использовала за три месяца. Туфли оказались точно в размер.

Я не знала, злиться мне на это или нет.

В двадцать минут девятого я вышла на верхнюю палубу.

«Meridian» стоял на якоре в небольшой бухте — я не сразу поняла, когда мы остановились, потому что сидела за письменным столом с научными статьями и не заметила, как сменился характер качки. Бухта была маленькой, укрытой скалами, вода в ней — темнее, чем в открытом море, почти чернильная. На берегу виднелись огни — не город, что-то меньшее, несколько вилл, рассыпанных по склону холма.

Лигурийское побережье, догадалась я. Или самая северная Тоскана — отсюда трудно было определить точнее.

На палубе уже стояли несколько человек.

Трое мужчин в светлых летних костюмах — итальянцы,

сразу видно по жестикуляции и по тому, как они стояли: слегка повернувшись друг к другу, образуя маленький закрытый круг, из которого, впрочем, вышли немедленно, как только я появилась. Женщина рядом с одним из них — лет пятидесяти, элегантная, с короткой стрижкой и взглядом человека, который давно научился оценивать людей быстро и без лишней деликатности.

И Алекс.

Он стоял чуть в стороне — не отдельно от гостей, но и не внутри их круга. В тёмно-синем пиджаке, под которым была белая рубашка — теперь застёгнутая до конца и с лёгким галстуком, который, однако, был ослаблен ровно настолько, чтобы давать понять: это человек, который знает правила достаточно хорошо, чтобы нарушать их точно в меру.

Он увидел меня раньше, чем я подошла.

Смотрел секунду — одну только секунду, — и что-то в его взгляде произошло. Что-то очень маленькое, очень быстрое. Я бы не смогла описать это словами, если бы меня спросили. Просто — что-то произошло. Как лёгкий сдвиг. Как когда в тихой воде кто-то двигается глубоко вниз и на поверхности появляется едва заметная рябь.

Потом он шагнул мне навстречу.

— Ника. — Голос ровный, как всегда. Но рука, которую он положил мне на поясницу, когда я подошла достаточно близко — лёгкая, почти невесомая, — была тёплой. Неожиданно тёплой. — Познакомься: Лоренцо Де Санти с супру-

гой Франческой, Маттео Конти и его партнёр Риккардо Эспозито.

Я улыбнулась. Подала руку. Сказала то, что говорят в таких ситуациях — по-английски, с той лёгкостью, которая даётся людям, выросшим на научных конференциях и привыкшим представляться незнакомцам в незнакомых местах.

Рука Алекса оставалась у меня на поясице.

Это была часть легенды, я понимала. Жест для гостей, не для меня. Правильный сигнал в правильном контексте. Всё это я понимала совершенно отчётливо.

И всё равно чувствовала тепло его ладони через тонкий шёлк.

Стол на кормовой палубе был накрыт так, как накрывают столы люди, для которых ужин — это не просто еда, а отдельный вид искусства.

Белая скатерть, почти светящаяся в свете подвешенных над столом ламп — маленьких, стеклянных, тёплых. Цветы в низких вазах — не высокие букеты, перекрывающие обзор, а что-то горизонтальное, рассыпанное вдоль центра стола: белые и кремовые соцветия, зелень, несколько веток с мелкими синими ягодами. Бокалы — четыре вида на каждого гостя. Приборы из тяжёлого серебра.

Я села туда, куда указал один из официантов — по правую руку от Алекса, напротив Франчески Де Санти.

Франческа оказалась именно таким человеком, каким выглядела издалека. Умным. Внимательным. С тем особым ка-

чувством присутствия, которое бывает у людей, привыкших к застольям, где важно не только то, что говорится, но и то, как, и особенно — то, что не говорится вовсе.

— Вы давно знакомы с Алексом? — спросила она, как только подали первое — что-то с морским гребешком и пёной из лимона и тимьяна, настолько красивое, что я на секунду не решалась это трогать.

— Достаточно, — сказала я. И добавила, чуть помолчав: — Хотя с Алексом «достаточно» и «долго» — это не одно и то же. Он из тех людей, которых узнаёшь не по времени.

Франческа посмотрела на меня. Потом — быстро, незаметно для остальных — на Алекса. Потом снова на меня.

И чуть-чуть — самую малость — улыбнулась.

— Это очень точно, — сказала она.

Я почувствовала, как напряжение в плечах слегка отпускает.

Разговор за столом шёл на трёх языках одновременно — английский, итальянский, временами французский, — и это был тот вид разговора, который ведут люди, давно знающие, что говорить о деле за едой моветон, и поэтому говорящие обо всём остальном с такой интенсивностью, будто всё остальное и есть самое главное. Виноделие — Лоренцо Де Санти оказался владельцем нескольких виноградников в Пьемонте. Архитектура — Маттео Конти строил что-то на Сардинии, и это что-то вызвало горячий спор с Риккардо о соотношении стекла и камня в современном строительстве.

Климат — куда же без него.

Я ела. Слушала. Время от времени говорила что-нибудь — про море, про головногих, один раз процитировала данные по изменению температурных слоёв в западном Средиземноморье за последние двадцать лет, и Лоренцо неожиданно оказался человеком, которому это было по-настоящему интересно, потому что его виноградники на побережье и климатические сдвиги были для него не абстракцией, а живым беспокойством.

Алекс за весь ужин сказал, может быть, меньше всех.

Он ел. Слушал. Вставлял реплики короткие, точные — как хирургические разрезы, не больше и не меньше, чем нужно. Вёл стол не голосом, а как-то иначе — самым своим присутствием, тем вниманием, которое он распределял между гостями так незаметно и так точно, что каждый, кажется, чувствовал себя в центре, хотя в центре, разумеется, был он.

Я наблюдала за этим.

Наблюдала и думала: вот человек, который умеет управлять пространством, не занимая его. Который умеет быть самым важным в комнате, не объявляя об этом.

Это было, если честно, немного завораживающее зрелище.

И немного раздражающее.

Оба сразу.

После основного блюда — ягнёнок с артишоками и каким-то соусом из трав, от которого я едва не закрыла глаза

от удовольствия прямо за столом — Франческа вдруг обратилась ко мне напрямую.

— Расскажите нам что-нибудь про осьминогов, — сказала она. — Алекс говорит, что вы специалист.

Я посмотрела на Алекса.

Он ел. Не поднял глаз.

— Что именно вас интересует? — спросила я.

— Всё. — Франческа поставила бокал. — Я всю жизнь живу у моря и понятия не имею, что там происходит на глубине.

Это был, я знала по опыту, один из двух видов интереса к моей работе. Первый — вежливый, поверхностный, рассчитанный на один-два ответа и плавный переход к другой теме. Второй — настоящий, с искоркой, которую видно сразу.

У Франчески была искорка.

И я начала рассказывать.

Про осьминогов — про то, что они видят поляризованный свет и ориентируются по нему в толще воды. Про то, что у них три сердца и голубая кровь, и это не метафора и не поэзия, а медь вместо железа в гемоглобине. Про то, что они спят, и во сне у них меняется цвет кожи — быстро, мерцающе, как будто им снятся яркие сны. Про то, что они помнят лица — конкретные человеческие лица — и у них есть что-то похожее на симпатии и антипатии к конкретным людям.

Лоренцо к концу этого рассказа навис над столом, подперев голову рукой, с видом человека, которому рассказывают

хорошую сказку.

Маттео и Риккардо отвлеклись от своего архитектурного спора.

Франческа слушала с полуулыбкой — той улыбкой, которую дают рассказчику, когда понимают, что перед ними человек, по-настоящему влюблённый в свой предмет.

И тут я почувствовала взгляд.

Не гостей. Другой.

Алекс смотрел на меня.

Он не делал этого демонстративно. Не так, чтобы это было заметно со стороны. Просто — смотрел. С тем выражением лица, которое я ещё не умела читать, — не его рабочим выражением спокойной оценки, а чем-то другим. Чем-то, что было тише и глубже.

Я не прервалась. Договорила про осьминогов — про их сны — и закончила фразой, которую обычно приберегаю для студенческих лекций, потому что она неизменно производит эффект:

— Они живут очень мало. Большинство — год, максимум два. Тратят всё на то, чтобы познать мир вокруг себя. И умирают сразу после того, как дают жизнь потомству. Иногда мне кажется, что это самый честный договор с существованием из всех, что я знаю.

Тишина за столом была короткой.

Потом Франческа сказала:

— Боже мой. Я никогда больше не съем осьминога.

И все засмеялись — по-настоящему, легко, тем смехом, который бывает за хорошим столом, когда люди вдруг забывают, что они здесь по делу.

Алекс не засмеялся.

Но уголок его рта — тот самый — поднялся чуть выше, чем обычно. И он поднял свой бокал в маленьком молчаливом жесте, который мог означать что угодно.

Или ничего.

Или — одно конкретное что-то, для которого я пока не знала названия.

Гости ушли около полуночи.

Я стояла у борта и смотрела, как их лодка — небольшой быстроходный тендер — уходит в сторону берега, растворяясь в темноте. Огни вилл на холме отражались в воде длинными дрожащими столбиками. Где-то далеко — почти неслышно — тихо работал двигатель какого-то судна.

Море ночью пахнет иначе, чем днём.

Днём — солью, йодом, теплом. Ночью — чем-то более древним. Более тёмным. Тем, что лежит на глубине и никогда не поднимается к поверхности, но иногда даёт о себе знать — запахом, движением воды, ощущением, что под тобой что-то огромное и живое.

Я любила это ощущение.

— Вы хорошо справились.

Я не обернулась. Просто слегка повернула голову — он стоял рядом, у тех же поручней, чуть ближе, чем утром на

носовой палубе. Пиджак он снял где-то между десертом и прощанием с гостями. Рукава рубашки снова закатаны.

— Про осьминогов и их сны, — сказал он. — Это было неожиданно.

— Вы ожидали, что я буду говорить о чём-то другом?

— Я не ожидал, что вы будете говорить так.

Я обернулась. Посмотрела на него — он стоял и смотрел на воду, не на меня, и в профиль его лицо было другим. Не мягче — нет. Но как-то более человеческим. Как будто темнота снимала с него один слой из тех нескольких, под которыми что-то было спрятано.

— Как — так? — спросила я.

Пауза. Небольшая.

— Как человек, которому это важно, — сказал он. — Не как специалист, объясняющий свой предмет. Как человек, которому это действительно важно.

Я не нашлась сразу с ответом.

Не потому что не знала, что сказать — просто иногда, когда кто-то видит тебя точнее, чем ты ожидаешь, требуется секунда. Просто секунда, чтобы переориентироваться.

— Это и есть одно и то же, — сказала я наконец. — Для меня.

Он кивнул. Медленно. Как будто это был ответ, который он ожидал, и который при этом всё равно чего-то стоил.

Мы помолчали. Не неловко — нет. Этим молчанием можно было дышать.

— Франческа вам понравилась, — сказал он. Не вопрос.

— Да. Она настоящая.

— Большинство людей в её положении — нет.

— Я знаю. — Я снова повернулась к воде. — Вы давно с ними работаете?

— С Лоренцо — семь лет. — Пауза. — Это долго, в моём контексте.

— В вашем контексте, — повторила я. — Вы это имели в виду, когда сказали, что «долго» и «достаточно» — это не одно и то же?

Он посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

Свет с палубы падал вполсилы — достаточно, чтобы видеть лица, недостаточно, чтобы читать их как днём. Его глаза в темноте были темнее — не серые уже, почти чёрные, — и в них отражались огни с берега.

— Я этого не говорил, — сказал он тихо.

— Нет. Это сказала я. Франческе.

Пауза.

— Я слышал.

— Я знаю, что вы слышали.

Что-то между нами изменилось в этот момент. Не резко — нет, ничего резкого здесь не было и, я чувствовала, не будет. Просто что-то сдвинулось на миллиметр. Как тектонические плиты — незаметно, медленно, но если знаешь, что ищешь, то чувствуешь.

Алекс открыл рот — я почти была уверена, что он скажет что-то. Что-то, что продолжило бы этот разговор туда, куда он начинал идти.

Но он закрыл его. Посмотрел на воду. Сделал маленький шаг назад — один, едва заметный.

— Спокойной ночи, Ника, — сказал он.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Он ушёл.

Я осталась у поручней.

Смотрела на воду ещё долго — на тёмную поверхность, под которой было так много всего живого, и никто из тех, кто смотрел сверху, не имел об этом ни малейшего представления.

Думала о том, что есть люди, которые устроены как море ночью.

Тёмная поверхность. Запах чего-то более сложного. И ощущение — не доказательство, просто ощущение, — что там, внизу, что-то огромное и живое.

И что я, всю жизнь занимавшаяся тем, что ныряет в глубину, — я это чувствую лучше, чем большинство.

Ветер с берега был тёплым и нёс запах сосен.

«Meridian» тихо качался на якоре.

А я стояла у борта в чужом шёлковом платье, и в темноте что-то начиналось — медленно, неотвратно, как прилив, — и я ещё не знала его имени, но уже чувствовала его вес.

Глава 4. Утро без масок

Я просыпаюсь рано.

Это не достоинство и не привычка, которой я горжусь, — просто факт моей физиологии, который существует независимо от моего желания. В пять утра что-то внутри меня щёлкает, как таймер, и всё — сон уходит чисто, без остатка, и лежать дальше не имеет смысла, потому что голова уже работает.

В Москве я с этим боролась. Здесь — не стала.

Было начало шестого, когда я тихо вышла из каюты с ноутбуком, термосом с кофе — нашла кофемашину в камбузе, разобралась с ней со второй попытки — и пледом, который стянула с кровати. На верхней палубе никого не было. «Meridian» стоял на якоре всё в той же бухте — тихо, чуть покачиваясь, как спящее животное. Небо на востоке было цвета старой бронзы — не рассвет ещё, его предчувствие, тот час, когда темнота уже сдалась, но свет ещё не пришёл в полную силу.

Я устроилась на кормовой палубе — подтянула ноги под себя в широком шезлонге, укуталась в плед, поставила термос рядом на столик — и открыла ноутбук.

Работала.

Это было хорошее время для работы — тихое, без людей, без необходимости быть кем-то кроме себя. Я перечиты-

вала последние данные по температурным аномалиям в западном Средиземноморье, делала заметки, сверялась с литературой, строила предварительную схему исследовательских точек для экспедиции. Кофе остывал быстрее, чем я успевала его пить. Небо светлело постепенно — сначала бронза перешла в серый, потом серый начал розоветь у горизонта, и вода под бортом меняла цвет вместе с ним — от черноты к тёмно-синему, от тёмно-синего к чему-то глубокому и прозрачному, у которого нет точного названия в обычных языках, только в языках людей, проводящих у моря достаточно времени.

Я так увлеклась, что не услышала шагов.

— Вы не спите.

Я подняла голову.

Алекс стоял у двери, ведущей с нижней палубы. В светло-сером — не пижама, но что-то близкое к домашнему: льняные брюки, простая футболка, босые ноги на тиковых досках. Волосы не причёсаны. Это был первый раз, когда я видела его без того слоя намеренной собранности, который он носил как вторую кожу, — и от этого он выглядел другим. Не хуже. Просто другим. Более объёмным, что ли. Как фотография, у которой прибавилось измерений.

В руках у него была кружка — большая, простая, явно не из того же сервиза, что бокалы на вчерашнем ужине.

— И вы тоже, — сказала я.

— Я всегда встаю в это время.

— Я тоже.

Он посмотрел на мой ноутбук. На термос. На плед, из-под которого торчали носки — обычные хлопковые носки, серые, из тех, что я всегда беру в экспедиции по три пары.

— Можно? — спросил он. Кивнул в сторону соседнего шезлонга.

Вопрос был неожиданным. Не потому что это была его яхта и он мог садиться куда хотел — это очевидно. А потому что он спросил. Этот человек, который вчера переставил мои вещи в каюту не спрашивая, который купил мне платье не спрашивая, который выстраивал весь вчерашний вечер так, как архитектор выстраивает здание — с точным знанием, что где должно стоять — этот человек спросил разрешения сесть рядом.

— Конечно, — сказала я.

Он сел. Не сразу открыл кружку — сначала просто смотрел на воду. На рассвет, который к этому моменту уже вполне определился и красил горизонт в цвета, от которых у меня всегда перехватывает дыхание — не красиво в открыточном смысле, а красиво в том смысле, что это невозможно придумать, это просто случается каждое утро над каждым морем, и каждое утро это новое.

— Вы всегда работаете на рассвете? — спросил он наконец.

— Когда есть море под боком — да. — Я закрыла ноутбук, решив, что статьи подождут. — Дома в Москве я работаю

ночью. Это другое. Рассвет у моря — это... — Я замолчала, подбирая слово.

— Продуктивно? — предложил он.

— Я хотела сказать «честно». — Я посмотрела на воду. — Рассвет у моря — это честно. Ничего лишнего. Никаких украшений.

Он не ответил сразу. Сделал глоток из кружки. Смотрел на горизонт.

— Вы давно занимаетесь этим? — спросил он. — Морем.

— С детства. — Я подтянула плед выше. — Я выросла во Владивостоке. Первые десять лет жизни — Японское море за окном. Потом переехали в Москву, и я долго не могла понять, чего мне не хватает. Думала — простора. Потом поняла — воды. Горизонта, который уходит. — Я помолчала. — В Москве горизонт всегда во что-нибудь упирается. В дом, в дерево, в рекламный щит. Это физически неприятно, если вырос у моря.

— Понимаю, — сказал он. Коротко, без развёртки, но как-то так, что я почувствовала — действительно понимает.

— Вы тоже? — спросила я.

— Детство в Бостоне. Атлантика.

— А потом?

— Потом Лондон. Потом везде. — Маленькая пауза. — «Meridian» — это способ не терять горизонт.

Я посмотрела на него. Он смотрел вперёд, на воду, и в утреннем свете его профиль был чётким, как гравюра — рез-

кий, без лишних линий, без украшений. Честный, подумала я. В том же смысле, в котором рассвет у моря был честным.

— Сколько времени вы проводите на борту? — спросила я.

— Достаточно.

— Это снова не ответ.

Лёгкое движение — что-то, что могло бы быть усмешкой.

— Три-четыре месяца в году. Иногда больше.

— А остальное время?

— Офисы. Переговоры. Самолёты. — Он произнёс это ровно, без жалобы и без гордости — как перечисляют погодные условия. — Стандартный набор.

— Вам нравится?

Пауза. Более долгая, чем обычные его паузы.

— Мне нравится результат, — сказал он наконец.

— Это не одно и то же.

Он посмотрел на меня. По-настоящему посмотрел — не мельком, не оценивающе, а как-то иначе. Как смотрят, когда что-то сказанное попало точнее, чем ожидалось.

— Нет, — согласился он тихо. — Не одно и то же.

Тишина между нами была мягкой — утренней, пропитанной запахом кофе и соли и розовеющим светом, который становился с каждой минутой шире и теплее.

Я думала о том, что этот человек вчера вечером произнёс за весь ужин в сумме меньше слов, чем я одна за рассказ про осьминогов. А сейчас сидит рядом в незастёгнутом воротни-

ке и говорит — медленно, осторожно, как будто не вполне привык к этому процессу, но и не отказывается от него.

— Чем именно вы занимаетесь? — спросила я. — Если не секрет.

— Технологии. Инфраструктура данных. — Он сделал глоток. — Если коротко.

— А если не коротко?

Он помолчал секунду.

— Мы строим системы, которые позволяют разным структурам — больницам, портам, энергосетям — общаться друг с другом без потери информации. — Небольшая пауза. — Это скучно звучит.

— Нет, — сказала я. — Совсем не скучно. Вы занимаетесь переводом.

— Переводом?

— Разные системы говорят на разных языках. Вы делаете так, чтобы они понимали друг друга. Это перевод. — Я пожала плечом. — Я всю жизнь занимаюсь чем-то похожим. Пытаюсь понять язык существ, у которых нет голоса в нашем смысле слова.

Он смотрел на меня долго. Дольше, чем обычно. Потом медленно кивнул — один раз, как вчера вечером, когда я согласилась на его условия.

Точка в конце предложения.

Но предложение на этот раз было другим.

Солнце поднялось окончательно около семи.

К этому времени мы успели выпить ещё по кружке кофе — я обнаружила, что у меня в термосе осталось достаточно на двоих — и поговорить о вещах, о которых обычно не разговаривают при первом знакомстве. Не потому что они были слишком личными — а потому что они были слишком простыми. Владивосток и Бостон. Рассветы и горизонты. Перевод с одного языка на другой.

Маленькие вещи, из которых складывается представление о человеке вернее, чем из больших.

В какой-то момент я поняла, что уже давно сижу не подтянув ноги под себя, а повернувшись в его сторону — не осознанно, просто тело повернулось само, туда, где было интереснее. И что он тоже повернулся — незаметно, постепенно, как поворачиваются к источнику тепла.

Потом на палубе появился стюард — молодой, в белой рубашке, с подносом — и молча поставил на столик между нами завтрак. Свежий хлеб, масло, несколько видов сыра, инжир, разрезанный пополам и посыпанный чем-то — мёдом, кажется, или тимьяном, или и тем и другим. Апельсиновый сок.

Я посмотрела на всё это.

Потом на Алекса.

— Вы заказали завтрак, — сказала я.

— Нет. — Он взял кусок хлеба. — Дамир знает, что я встаю рано. Он всегда приносит завтрак к семи.

— Дамир — это стюард?

— Да. Он со мной уже шесть лет.

Я взяла инжир. Откусила. Мёд и инжир и тимьян — это оказалось именно тем, чего мне не хватало, хотя я не знала об этом до этой секунды.

— Шесть лет — это долго, — сказала я. — В вашем контексте.

Он посмотрел на меня. Снова — то особое внимание, которое я уже начинала узнавать. Не оценивающее. Другое.

— Да, — сказал он тихо. — В моём контексте — долго.

Я жевала инжир и думала о том, что не знаю об этом человеке почти ничего — только Бостон и Атлантика в детстве, и технологии, и шесть лет стюарда по имени Дамир, и то, как он произносит «долго» — как слово, у которого для него особый вес.

И думала ещё о том, что этого — странным образом — уже достаточно, чтобы хотеть знать больше.

Примерно в половине восьмого где-то внутри яхты зазвонил телефон.

Алекс встал сразу — привычно, без промедления. Человек, у которого телефон никогда не ждёт.

— Прошу прощения.

— Идите, — сказала я.

Он сделал шаг к двери. Остановился. Обернулся — и я не сразу поняла зачем, потому что в этом не было видимой причины.

— Ника, — сказал он.

— Что?

Пауза. Совсем маленькая. Едва слышная.

— Носки, — сказал он. Совершенно серьёзно. Без улыбки

— хотя что-то в уголке его рта было на волоске от неё. — У вас разные носки.

Я опустила взгляд. Действительно — левый серый, правый темно-синий. Я оделась в темноте и не заметила.

Подняла голову. Он уже уходил.

— Это называется характер! — крикнула я ему в спину.

Из-за двери — уже оттуда, из глубины судна — пришёл звук. Тихий. Очень тихий. Но я была уверена в том, что слышала.

Смех.

Не громкий, не демонстративный — просто смех. Настоящий, короткий, живой.

Я сидела на шезлонге, смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как что-то внутри меня делает очень маленький, очень неосторожный шаг в сторону, которую разумный человек обходит стороной.

Я была, к сожалению, разумным человеком только в вопросах, которые касались осьминогов и температурных аномалий.

В остальном — как повезёт.

День прошёл спокойно.

«Meridian» поднял якорь около девяти и двинулся даль-

ше на юг — Алекс предупредил, что к вечеру они будут у побережья северной Сардинии, и там следующие встречи. Я устроилась на носовой палубе с ноутбуком и работала — по-настоящему работала, с тем сосредоточенным удовольствием, которое бывает, когда думается хорошо.

Море двигалось вместе с нами.

Цвет воды менялся по мере движения на юг — становился глубже, насыщеннее, из синего переходил в то особенное средиземноморское синее, которое не поддаётся точному описанию, потому что оно немного другое каждый час в зависимости от угла солнца и состояния воды.

Я смотрела на него и думала об осьминогах там, внизу, в сотнях метров под килем.

О том, какого цвета им снится море.

Алекс появился около полудня — ненадолго, с телефоном у уха, прошёл мимо по палубе в сторону носа и кивнул мне, проходя. Просто кивнул — коротко, по-деловому, как кивают человеку, которого знают. Не гостю. Не случайной женщине с причала.

Просто — человеку, которого знают.

Я ответила тем же и вернулась к ноутбуку.

Но ещё несколько секунд чувствовала взгляд — боковым зрением, не проверяя.

За обедом — лёгким, почти случайным, на той же кормовой палубе — Дамир принёс рыбу на гриле с лимоном и зеленью, хлеб и маленький кувшин с оливковым маслом. Алекс

обедал молча, с телефоном рядом — не смотрел в него постоянно, но держал в поле зрения.

Я наблюдала за тем, как он работает — вернее, как он существует рядом с работой. Как будто она не отдельный процесс, а часть его физиологии. Как дыхание. Как пульс.

— Переговоры сегодня вечером идут сложно? — спросила я.

Он поднял взгляд.

— С чего вы взяли?

— Вы смотрите в телефон иначе, чем утром.

Пауза.

— Иначе — это как?

— Утром вы его не брали. Сейчас держите в поле зрения всё время, но не смотрите. — Я отломил кусок хлеба. — Это значит, что там что-то, что требует внимания, но которое вы пока не готовы ему отдавать.

Долгая пауза.

Он смотрел на меня с тем выражением, которое я уже научилась немного читать — удивление, тщательно упакованное в спокойствие, так что снаружи почти не видно.

— Де Санти хочет изменить одно условие, — сказал он наконец. — Не принципиальное. Но требующее пересмотра структуры.

— И вам нужно решить, уступить или держаться.

— Мне нужно решить, чего именно он хочет этим добиться. — Алекс отложил вилку. — Лоренцо никогда не про-

сит об изменениях просто так. За каждым изменением стоит что-то ещё.

— Страховка, — сказала я.

— Что?

— Он боится. Просит изменение не потому что оно ему нужно само по себе, а потому что хочет знать, как вы реагируете на давление. — Я пожала плечом. — Это стандартное поведение, когда долгосрочная сделка выходит на финальный этап. Люди проверяют, с кем именно они подписывают.

Алекс смотрел на меня.

— Вы изучали переговоры?

— Нет. Я изучала осьминогов. — Я макнула хлеб в масло. — Но осьминоги тоже проверяют среду перед тем, как в неё войти. Выпускают одно щупальце. Смотрят на реакцию. Потом решают.

Тишина.

Долгая — не неловкая, а та, в которой что-то обдумывается.

— Значит, уступить, — сказал он медленно.

— Уступить так, чтобы это выглядело как выбор, а не как давление, — уточнила я. — Есть разница.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом взял телефон — набрал сообщение, короткое, несколько слов — и положил обратно экраном вниз.

— Вы должны были изучать переговоры, — сказал он.

— Лучше осьминоги, — сказала я. — Они честнее.

На этот раз уголок его рта поднялся достаточно высоко, чтобы это уже нельзя было назвать просто намёком.

Почти улыбка.

Настоящая — почти.

И я поняла, что жду следующего «почти» с тем нетерпением, с которым ждут следующей волны — зная, что она придёт, не зная точно когда, и именно это ожидание делает её ценной.

Ближе к вечеру, когда на горизонте начали прорисовываться очертания Сардинии — тёмные, скалистые, с зеленью, которая была видна даже с расстояния, — я убрала ноутбук и просто стояла на носу.

Смотрела на остров, который приближался.

Думала о том, что три дня — это очень мало.

Думала о том, что ещё вчера утром в московском аэропорту я не знала о существовании этого человека. Что сутки назад его не было в моей жизни вообще. Что одна цифра — семнадцать вместо восемнадцати — поставила меня здесь, на носу его яхты, с морским ветром в волосах и с тем странным тихим ощущением внутри, которое я обычно испытываю только когда оказываюсь на правильной глубине.

Когда вода правильная. Когда давление правильное. Когда знаешь — не головой, а как-то глубже, — что ты там, где надо быть.

Это было иррационально.

Я это понимала.

Я была учёным. Я верила в данные, в воспроизводимые результаты, в гипотезы, которые можно проверить. Я не верила в знаки судьбы и в одну перепутанную цифру как в послание вселенной.

И всё-таки.

Сардиния становилась ближе. Солнце клонилось к западу. «Meridian» шёл ровно и тихо — сквозь синюю воду, сквозь тёплый вечерний воздух — и где-то позади меня, в глубине судна, человек с серыми глазами и редкой улыбкой разговаривал по телефону и строил сделки, и выпускал одно щупальце, чтобы проверить среду.

Я улыбнулась этой мысли.

— Что вас смешит?

Я обернулась. Он стоял в двух шагах позади — снова появился без звука, как умеют только люди, которые давно живут на воде и привыкли к её ритму.

— Осьминоги, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Потом на Сардинию впереди.

— Де Санти согласился, — сказал он.

— Я знаю, — сказала я.

— Откуда?

— Потому что вы вышли на нос. — Я снова повернулась к острову. — Когда переговоры идут не так — люди уходят внутрь. Когда идут так — выходят смотреть на горизонт.

Долгая тишина.

— Ника, — сказал он.

— Что?

— Вы очень неудобный человек.

Я засмеялась. По-настоящему — легко, неожиданно для самой себя.

— Это первый комплимент, который вы мне сделали.

— Это не комплимент.

— Нет, — согласилась я. — Но почти.

Он стоял рядом. Сардиния приближалась. Ветер был тёплым и пах соснами и морем и чем-то, чему я до сих пор не нашла названия.

И в этом «почти» было столько же, сколько в том «почти улыбке» за обедом.

Может быть, даже больше.

Глава 5. Сардиния

Коста-Смеральда с воды выглядит не так, как на фотографиях.

На фотографиях — открытки. Бирюзовое море, белые виллы, яхты как белые точки на синем. Красиво в том смысле, в котором красивы вещи, специально созданные для того, чтобы их фотографировали.

С воды — другое.

С воды видно, что скалы здесь розовые — не условно розовые, а по-настоящему, густо, как будто кто-то в начале времён подержал их на закате достаточно долго, и они пропитались насквозь. Что зелень между скалами — маквис, средиземноморский кустарник — пахнет можжевельником и розмарином так сильно, что запах долетает до борта раньше, чем видишь берег. Что вода у самых скал — не бирюзовая, а почти белая от глубины и прозрачности, и в ней видно дно на семь-восемь метров вниз, каждый камень, каждую тень.

Я стояла на носу и смотрела на всё это с тем острым, почти физическим удовольствием, которое мне даёт только море — и только тогда, когда оно делает что-нибудь неожиданное.

— Вы первый раз здесь? — спросил Алекс.

Он стоял рядом — не вплотную, но ближе, чем утром. Это я заметила, хотя не сразу поняла, что заметила.

— Да. — Я не отрывала взгляда от воды. — Я была на

Средиземном море один раз — в студенческой экспедиции у Туниса. Но там другое. Там мелко и мутновато и пахнет нефтью у порта.

— Здесь глубже.

— Я вижу. — Я наконец повернулась к нему. — До сколько метров здесь у скал?

— У тех, что справа — метров двести через полкилометра. — Он посмотрел в сторону берега. — Там есть разлом. Уходит резко вниз.

— Откуда вы знаете?

— Дайвинг. — Коротко, как всегда. — Раньше занимался серьёзно.

Я посмотрела на него с новым интересом. Он почувствовал этот взгляд — я видела по лёгкому движению плеч.

— Что вас удивляет? — спросил он.

— Ничего. — Я снова повернулась к берегу. — Просто складываю детали.

— И что складывается?

— Пока не знаю. — Я смотрела на розовые скалы. — Спрошу, когда сложится.

Молчание. Но не то молчание, которое заполняет паузу. То, в котором что-то продолжается — тихо, под поверхностью.

— «Meridian» встанет на якорь в бухте к северу от Порто-Черво, — сказал он. — Гости приедут к девятнадцати тридцати. Вечер на берегу — вилла Де Санти. Вернёмся к

полуночи, вероятно.

— Вилла?

— Лоренцо держит здесь дом. Приглашает на ужин после каждой удачной сделки. Это традиция.

— Значит, сделка удалась.

— Сделка удалась, — подтвердил он.

Я слышала в этом что-то — очень небольшое, едва различимое. Не гордость. Что-то тише. Удовлетворение человека, который сделал то, что должен был, и теперь может выдохнуть ровно на одну секунду, прежде чем браться за следующее.

— Поздравляю, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Снова — то выражение лица, которое я уже умела читать как удивление, тщательно спрятанное внутри спокойствия.

— Спасибо, — сказал он.

Просто — спасибо. Без «не стоит» и без «это была несложная задача». Просто принял — так же прямо, как я сказала.

Мне это понравилось.

Платье на этот вечер было другим.

Я обнаружила его в шкафу рядом с чёрным — тёмно-зелёное, почти изумрудное, из лёгкого крепа, который двигался иначе, чем вчерашний шёлк. Живее. Мягче. С открытыми плечами и разрезом сбоку — не вызывающим, но достаточным, чтобы я остановилась у зеркала и смотрела на себя чуть дольше, чем обычно.

Цвет был точным.

Не в смысле «подходит к глазам» или «выгодно для фигуры» — а в каком-то другом смысле. Как будто человек, который выбирал это платье, знал что-то, чего ещё не должен был знать.

Я не стала думать об этом слишком долго.

Волосы оставила распущенными — тёплый воздух и морской ветер за день сделали их именно такими, какими они бывают только у моря: живыми, чуть выющимися, с той лёгкой небрежностью, которую невозможно воспроизвести намеренно. Минимум косметики. Туфли — открытые, золотистые, на низком каблуке, с тонким ремешком вокруг лодыжки.

В половине восьмого я вышла на палубу.

Алекс стоял у трапа спиной ко мне — разговаривал с Дамиром, что-то уточнял насчёт катера, который должен был отвезти их на берег. Тёмный костюм, светлая рубашка без галстука на этот раз. Волосы чуть влажные — он, судя по всему, успел искупаться или принять душ после полудня.

Дамир увидел меня первым и что-то сказал — тихо, по-казахски, я не разобрала что.

Алекс обернулся.

И на этот раз я видела всё.

Потому что смотрела прямо на него, и свет с берега падал достаточно ровно, и между нами было метров шесть — достаточно близко, чтобы не пропустить.

Он смотрел на меня — секунду, две — и в его глазах происходило что-то, что он не успел убрать за своё обычное спокойствие. Что-то тёмное и тихое. Что-то, что поднимается снизу — медленно, неохотно, как вода заполняет трещину в скале, — и ты не можешь его остановить, потому что не ожидал.

Потом — убрал. Быстро. Профессионально.

Но я видела.

— Готовы? — спросил он ровно.

— Готова, — сказала я.

Мы спустились в катер.

Вилла Де Санти стояла на холме над бухтой — не сразу видная с воды, спрятанная в соснах и маквисе, с той обдуманной скромностью очень богатых мест, которые не нуждаются в том, чтобы заявлять о себе.

Внутри она была иной.

Большие открытые пространства, где стены переходили в террасы, террасы — в сад, сад — в освещённый бассейн, а за бассейном — темнота и море и огни яхт в бухте. Везде цветы — живые, пахучие, расставленные с той же обманчивой небрежностью, что цветы на ужине на «Meridian». Музыка — живая, тихая, откуда-то из глубины дома, что-то джазовое, негромкое.

Гостей было человек двадцать — больше, чем вчера.

Я это почувствовала физически: двадцать человек в пространстве вечера — это другая задача, чем шестеро за сто-

лом. Здесь нужно было двигаться. Переключаться. Держать несколько разговоров и несколько версий себя одновременно.

Алекс почувствовал моё секундное замешательство — я не знаю как, потому что я не показала ничего видимого. Просто слегка замедлилась на входе на террасу, на долю секунды.

Его рука появилась у моей поясницы.

Как вчера — лёгкая, почти невесомая. Но на этот раз иначе. Вчера это был жест для гостей, сигнал в нужном контексте. Сейчас — здесь, в первую секунду, когда нас ещё никто не видел, — это было что-то другое.

Просто — рука. Просто тепло через тонкую ткань.

Просто — я здесь.

— Справа — Анна Моро, арт-дилер из Милана, — сказал он тихо, близко к уху — так, чтобы слышала только я. — Она будет говорить о современном искусстве и ждать, что вы не разберётесь. Разберитесь. Слева — Марко Бруно, сенатор, интересуется экологией, будет рад поговорить про море. С ним легко. В центре — Карло Фонти, он финансирует несколько исследовательских фондов. Когда доберётесь до него — расскажите про осьминогов.

Я повернула голову.

Его лицо было близко — ближе, чем я ожидала, потому что он наклонился, чтобы говорить тихо. Я чувствовала тепло от него — живое, конкретное — и запах: что-то сдержанное, тёплое, с нотой кедра и чего-то более тёмного, чего я не

умела назвать.

— Вы изучили всех гостей заранее, — сказала я так же тихо.

— Конечно.

— И всё равно берёте меня, а не кого-то из своих людей.

Пауза. Маленькая.

— Мои люди знают мой бизнес, — сказал он. — Вы знаете море.

— Здесь это важнее?

— Здесь это интереснее, — сказал он.

И убрал руку.

И мы вошли.

Вечер шёл хорошо.

Я говорила с Анной Моро о том, что современное искусство и морская биология пользуются одним и тем же методом — наблюдением без вмешательства, — и Анна Моро смотрела на меня с тем выражением, с которым смотрят на человека, которого не ожидали встретить там, где встретили.

Я говорила с сенатором Бруно об эвтрофикации прибрежных вод и о том, почему рыбацкие сообщества на Сардинии видят последствия климатических сдвигов раньше, чем любые приборы.

Я говорила с Карло Фонти — маленьким, живым, с острыми глазами — и к концу разговора о головоногих он достал телефон и попросил мою электронную почту. Просто так. Потому что, сказал он, у его фонда есть незакрытая по-

зиция для морского биолога на следующий учебный год, и он уже три месяца не может найти подходящего человека.

Я дала почту.

Потом стояла с бокалом белого вина у края террасы и смотрела на море внизу — тёмное, живое, расчерченное огнями яхт — и думала о том, что жизнь иногда делает такие петли, которые невозможно предвидеть и бессмысленно объяснять. Просто — одна цифра, и вот ты стоишь на сардинской террасе в изумрудном платье, и тебе предлагают финансирование, о котором ты даже не мечтала.

— Фонти взял вашу почту.

Я обернулась. Алекс стоял рядом — снова появился бесшумно, снова с бокалом, снова глядя не на меня, а на море.

— Вы видели?

— Я вижу всё, что происходит на вечерах, которые я посещаю. — Пауза. — Это профессиональная деформация.

— Что он предложил?

— Не знаю. Я не слышал разговора. — Он повернулся ко мне. — Но он достал телефон. Карло достаёт телефон только тогда, когда хочет сохранить человека.

— Позицию в фонде, — сказала я. — На следующий год. Алекс смотрел на меня.

— Вы собираетесь рассмотреть?

— Не знаю. — Я сделала глоток вина. — Зависит от условий. И от того, совместимо ли это с исследовательской программой, которая у меня уже есть.

— Совместимо, — сказал он. — Фонд Фонти работает через университетские партнёрства. Он не забирает учёных из их программ — он финансирует их внутри программ.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете структуру фонда Фонти?

Лёгкая пауза.

— Карло — мой давний знакомый, — сказал он нейтрально.

— Вы ему про меня рассказали.

Это был не вопрос. Это было утверждение, и по тому, как он чуть дольше обычного смотрел на море, я знала, что попала точно.

— Я упомянул, что на борту морской биолог с интересной специализацией, — сказал он наконец.

— Вы упомянули, — повторила я медленно.

— Да.

— До того, как мы сюда приехали.

— Да.

Я молчала секунду. Переваривала.

С одной стороны — это было вмешательство. Он сделал что-то, не спрашивая, снова. Как платье. Как вещи в каюте. Как всё остальное — с той уверенностью человека, который знает, что именно нужно, и не считает нужным согласовывать это с заинтересованными лицами.

С другой стороны.

С другой стороны, он сделал это для меня.

Не потому что это было нужно ему. Не как часть сделки, не как часть легенды. Просто — взял и сделал. Тихо, без объ-
явлений, без ожидания благодарности.

— Алекс, — сказала я.

— Что?

— Зачем?

Долгая пауза. Дольше обычных его пауз.

— Потому что, — сказал он наконец, — человек, который
работает так, как вы работаете, должен иметь возможность
продолжать это делать.

Я смотрела на него.

Он смотрел на море.

Джаз из глубины виллы поменял тему — стал чуть мед-
леннее, чуть темнее. Где-то на террасе смеялись — Франчес-
ка Де Санти, я узнала её смех. Тёплый ветер нёс запах сосен
и моря и немного — жасмина откуда-то из сада.

— Спасибо, — сказала я.

— Не стоит, — сказал он.

И впервые за два дня это прозвучало не как закрытие те-
мы.

Это прозвучало как что-то, у чего ещё нет конца.

Около одиннадцати Лоренцо Де Санти вывел гостей на
нижнюю террасу — там, над самым морем, были расставле-
ны кресла и маленький бар, и кто-то зажёл торшеры, и всё
это вместе — тёплый свет, тёмное море, запах жасмина и
джаз, который теперь доносился приглушённо сверху — со-

здавало то особенное качество вечера, которое бывает только в очень правильных местах в очень правильное время.

Я стояла у каменных перил, смотрела вниз — туда, где скалы уходили в воду, — и думала о разломе, который, по словам Алекса, начинался в полукилометре отсюда. О двухстах метрах глубины. О том, что там, в темноте — ниже, чем дотянется любой свет с поверхности, — живут вещи, о которых большинство людей не думает никогда.

— О чём думаете?

Алекс. Снова рядом. Снова бесшумно.

— О разломе, — сказала я. — О том, что там, на двухстах метрах.

— Осьминоги?

— Осьминоги глубоководные — другой вид. *Bathypolypus arcticus*. — Я облокотилась на перила. — Они совсем другие. Медленные, холодные, почти прозрачные. Как будто глубина их вымыла.

— В противоположность мелководным?

— Мелководные — яркие, быстрые, любопытные. Они тянутся к свету. — Я помолчала. — Это не лучше и не хуже. Просто разная адаптация к разной среде.

— Вы какие предпочитаете?

Я подумала секунду.

— Мелководных, — сказала я. — За любопытство. За то, что тянутся к свету, даже зная, что он их демаскирует.

Алекс молчал.

Я повернулась к нему — он стоял рядом, облокотившись на те же перила, смотрел вниз на воду. Свет торшеров падал сбоку, и его лицо снова было другим — как вчера ночью, как сегодня утром: с теми дополнительными измерениями, которые появляются только в сумерках и в тишине.

— А вы? — спросила я. — Вы какие?

Он не ответил сразу.

— Это зависит от среды, — сказал он наконец.

— Это не ответ.

— Нет. — Он помолчал. — Но это честно.

Я смотрела на него. Он смотрел на воду.

И тут Франческа Де Санти окликнула нас с той части террасы, где собрались остальные, — весело, по-итальянски, что-то про то, что они открывают граппу двадцатилетней выдержки и без нас не начнут.

Алекс выпрямился. Я выпрямилась.

Наши руки на перилах оказались в сантиметре друг от друга.

Я не знаю, кто сдвинулся — он или я, или оба одновременно, или это была качка, которой не было, потому что мы стояли на твёрдой земле. Просто в какой-то момент его рука накрыла мою — легко, на секунду — и я почувствовала тепло его пальцев поверх своих.

Не поглаживание. Не жест из легенды. Просто — рука. Просто — секунда.

Потом он убрал.

Повернулся к гостям. Ровный голос, ровное лицо, ни тени того, что только что произошло.

А я стояла ещё секунду — смотрела на свою руку на каменных перилах — и чувствовала тепло, которое ещё не ушло.

Потом пошла за ним.

Катер отвёз нас на борт в четверть первого.

Ночь была безветренной, море — тёмным и гладким, как лакированное дерево. Сардиния светилась огнями вилл и мелькала огнями яхт в бухте. Где-то очень далеко — так далеко, что звук почти пропадал — гудел катер.

Мы сидели в тендере на расстоянии вытянутой руки, и не говорили ничего. Не потому что говорить было не о чем. А потому что то, что было между нами, в словах не нуждалось и в словах не помещалось.

На борту «Meridian» Алекс помог мне подняться по трапу — подал руку, как само собой разумеющееся, и я взяла её, как само собой разумеющееся, — и на верхней палубе мы остановились.

Лицом к лицу.

Первый раз за два дня — по-настоящему лицом к лицу, в темноте, без гостей, без контекста, без ничего, что объясняло бы, почему мы стоим так близко.

Он смотрел на меня.

Я смотрела на него.

В его глазах — в тёмных, ночных, почти чёрных — была

та вещь, которую я видела в первый момент на террасе и которую он тогда убрал быстро и профессионально.

Сейчас — не убирал.

— Ника, — сказал он. Тихо.

— Что? — так же тихо.

Пауза.

Длинная. Такая длинная, что в ней умещалось несколько вопросов и несколько ответов — все одновременно, все без слов.

— Спокойной ночи, — сказал он наконец.

И отступил на шаг.

Я выдохнула — медленно, почти беззвучно.

— Спокойной ночи, — сказала я.

И пошла к своей каюте.

И остановилась у двери — не сразу открыла, постояла секунду, — и услышала, как он тоже стоит. На палубе. Неподвижно.

Потом скрип досок — тихий, удаляющийся.

Я вошла в каюту. Закрыла дверь.

Легла поверх одеяла в платье — так, как легла вчера в джинсах, — и смотрела в белый потолок.

За иллюминатором было море.

И под морем — разлом. И в разломе — темнота и давление и вещи, которые живут там, где нет света, и никогда не поднимаются к поверхности.

А мелководные — те, что тянутся к свету, — знают, что

он их демаскирует.

И тянутся всё равно.

Я закрыла глаза.

И подумала — последней, уже засыпающей мыслью, —
что у меня осталось два дня.

Всего два.

И что я уже не была уверена, что этого достаточно.

И что ещё меньше я была уверена в том, что этого мало.

Глава 6. Точка невозврата

Я не спала до трёх.

Не потому что думала — я как раз старалась не думать, и это было именно то занятие, которое гарантированно не даёт уснуть. Лежала и смотрела в потолок, слушала, как «Meridian» дышит вокруг меня — тихий гул двигателей в дежурном режиме, плеск воды о борт, редкие шаги Дамира где-то на нижней палубе.

Думала о том, что не думаю.

В итоге встала в начале второго, налила себе воды, взяла плед и вышла на кормовую палубу — не за ноутбуком, не за кофе. Просто потому что море ночью успокаивает иначе, чем всё остальное. Оно не говорит ничего. Просто — есть. Огромное, тёмное, равнодушное к тому, что творится на его поверхности.

Сардиния в темноте была россыпью огней на берегу.

Я сидела и смотрела на воду и думала — хотя только что решила не думать — о том, что произошло на террасе. О его руке поверх моей. О том, как он произнёс моё имя на палубе — тихо, как пробуют что-то горячее, осторожно, — и потом не сказал ничего, и отступил на шаг.

И о том, что этот шаг назад стоил ему чего-то.

Я видела.

Вопрос был не в том, что происходит — это я понимала

достаточно отчётливо, чтобы не заниматься самообманом. Вопрос был в том, что с этим делать.

Вариант первый: не делать ничего. Два дня. Вертолёт до «Посейдона». Чисто, аккуратно, без последствий. Умный вариант.

Вариант второй — я даже не стала его формулировать, потому что формулировка требовала честности, к которой я в два часа ночи была не вполне готова.

Уснула я в начале третьего.

Снился мне разлом — тот, что уходил на двести метров у северных скал. Я плыла вниз, и вода становилась темнее и холоднее, и где-то на глубине светилось что-то — тихо, ровно, как фонарь в тумане.

Я проснулась в пять и не вспомнила, добралась ли до него.

На этот раз кофе я варила дольше.

Стояла у кофемашины и смотрела, как эспрессо стекает в кружку — медленно, темно-коричневой нитью, с пенкой, которая пахла так, что я почти забыла про вариант первый и про вариант второй, и про вообще всё, кроме этого запаха.

Почти.

На палубу вышла в шесть — в джинсах и старой тонкой толстовке, которую достала из рюкзака. Волосы не расчёсаны. Лицо без ничего. Носки на этот раз я проверила специально: оба серые.

Жаль, в каком-то смысле.

Алекс уже был там.

Сидел в том же шезлонге, что и вчера утром, — с кружкой, с тем же домашним видом расстёгнутого воротника и босых ног. Смотрел на восток, где небо только начинало меняться.

Я остановилась на секунду в дверях.

Он не обернулся, но сказал:

— Оба серые?

— Оба серые, — подтвердила я. — Специально.

— Жаль.

Я засмеялась — тихо, утренним смехом, который немного другой, чем дневной. Мягче. Ненамеренной.

Подошла. Села в соседний шезлонг. Налила кофе из термоса в крышку — пить из крышки было не так изящно, как из кружки, но у меня не было кружки, а идти за ней означало снова идти на камбуз, и я решила, что это лишнее движение.

Рассвет сегодня был другим — не бронзовым, как вчера, а розово-сиреневым, почти акварельным. Сардиния на берегу начинала проявляться из темноты — скалы, сосны, белые стены вилл на холмах.

Мы молчали несколько минут.

Хорошее молчание. Утреннее. Без требований.

— Вы спали? — спросил он наконец.

— Немного. — Я сделала глоток. — Вы?

— Нет.

Коротко. Прямо. Без объяснений — хотя объяснений и не требовалось, потому что мы оба знали, почему.

Это знание сидело между нами тихо, как третий человек

за столом, которого никто не приглашал, но все видят.

— Алекс, — сказала я.

— Да.

— Я хочу поговорить о вчерашнем вечере.

Пауза.

Короткая — но в ней было что-то плотное. Как воздух перед грозой.

— Хорошо, — сказал он.

Я смотрела на море. Так проще — говорить в сторону воды, а не в сторону лица, которое умеет быть непроницаемым.

— На террасе. — Я подождала секунду. — Ваша рука.

— Да.

— Это было не для гостей. Там никого не было рядом.

Долгая пауза.

— Нет, — сказал он. — Не для гостей.

Я кивнула. Медленно. Смотрела на розовый горизонт.

— И на палубе. Когда вы произнесли моё имя.

— Да.

— Что вы хотели сказать?

Тишина.

Долгая — настоящая, весомая тишина. Не та, в которой человек собирается с мыслями. Та, в которой человек решает — говорить или нет. Открывать или оставить закрытым. Потому что некоторые вещи, будучи сказанными, уже нельзя отозвать назад — и это знание делает паузу перед ними особенно длинной.

— Я не знаю, — сказал он наконец.

Я повернулась к нему.

Он смотрел на воду — профиль, резкий и чёткий в утреннем свете. Но что-то в нём было другим. Не расслабленным — нет. Скорее — открытым. Как будто один из тех слоёв, под которыми что-то лежало, сдвинулся чуть в сторону.

— Это честно, — сказала я.

— Я стараюсь.

— Я знаю. — Я снова повернулась к морю. — Я тоже не знаю.

Молчание.

Потом — очень тихо:

— Что именно вы не знаете?

Я думала секунду.

— Что делать с тем, что происходит. — Пауза. — У меня есть два дня. Потом вертолёт. Потом «Посейдон» и шесть недель экспедиции и диссертация. У вас — сделки и офисы и самолёты. — Я взяла крышку термоса. — Это не очень практично.

— Нет, — согласился он. — Не очень.

— Вы практичный человек.

— Обычно — да.

— А сейчас?

Он посмотрел на меня.

Сейчас — по-настоящему, прямо, не в профиль — и в его взгляде было то, что я видела вчера на палубе и что он в

этот раз не убирал. Тёмное и тихое. Тяжёлое в том смысле, в котором тяжело всё настоящее — не потому что давит, а потому что имеет вес.

— Сейчас — не знаю, — сказал он.

Два слова. Те же самые, что и раньше. Но сказанные иначе — смотря на меня, а не в сторону воды.

Я не отвела взгляд.

— Честно, — сказала я снова.

— Я стараюсь, — повторил он. И добавил — чуть тише, чуть медленнее: — С вами это почему-то легче, чем обычно.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

За нашими спинами Сардиния просыпалась — где-то на берегу заработал двигатель рыбацкой лодки, крикнула чайка, и утренний ветер принёс запах сосен и нагретого камня.

— Алекс, — сказала я.

— Что?

— Вы когда-нибудь делаете что-то просто потому что хочется? Не потому что это практично или правильно или вписывается в план. Просто — потому что хочется.

Долгая пауза.

Самая долгая из всех его пауз.

— Редко, — сказал он.

— Я тоже. — Я поставила крышку термоса на столик. — Я очень практичный человек, Алекс. У меня есть план на ближайшие три года. У меня есть диссертация и гранты и

исследовательская программа. — Я посмотрела на воду. — И всё равно я осталась вчера на той палубе и ждала, что вы скажете. И всё равно я не спала до трёх.

Тишина.

Потом — шорох. Движение. Я почувствовала, что он сдвинулся — не встал, а именно сдвинулся, повернулся ко мне больше.

— Ника.

— Что?

— Посмотрите на меня.

Я повернулась.

Он сидел близко — ближе, чем был минуту назад, — и смотрел на меня с тем выражением лица, от которого у меня что-то сделалось с дыханием. Не резко. Просто — стало чуть менее автоматическим. Чуть более осознанным.

— Я не знаю, что из этого выйдет, — сказал он медленно. — И я не привык не знать. — Маленькая пауза. — Но я знаю, что хочу оставшиеся два дня провести так, как будто после них — не вертолёт. Просто — два дня.

Я смотрела на него.

— Это непрактично, — сказала я.

— Да.

— И немного безответственно.

— Вероятно.

— И мы оба об этом пожалеем.

— Возможно, — сказал он. — Или нет.

Я смотрела на него ещё секунду.

На его лицо — открытое, насколько оно умело быть открытым, что было не так много, но было больше, чем я видела у многих людей за годы. На серые глаза, в которых сейчас не было ни холода, ни дистанции. Только — это тёмное тихое тяжёлое, которое имело вес.

— Два дня, — сказала я.

— Два дня, — повторил он.

Это было не обещание и не договор. Это было что-то проще и одновременно сложнее — просто два человека, выбирающих смотреть в одну сторону. Просто — вместе. Просто — сейчас.

Я кивнула.

Он протянул руку — медленно, без спешки — и взял мою. Не сжал. Просто взял — пальцы поверх пальцев, тепло поверх тепла — и держал.

Мы сидели и смотрели, как рассвет окончательно побеждает — как розово-сиреневое уступает место золотому, как золотое разливается по воде, как Сардиния становится видна полностью — скалы и сосны и белые стены и море, которое теперь было не тёмным, а синим, ярким, живым.

И его рука была тёплой.

И я не думала о вертолёте.

День начался иначе, чем предыдущие.

Не внешне — внешне всё было почти то же самое. «Meridian» стоял на якоре. Дамир принёс завтрак в семь.

Солнце делало то, что делает средиземноморское солнце в июле — светило с той щедрой безжалостностью, от которой хочется одновременно прятаться и подставляться.

Но что-то сдвинулось.

Как тектонические плиты — я уже использовала эту метафору, но другой не нашла. Медленно, неотвратно, без объяснений. Просто — сдвинулось. И то, что было по обе стороны разлома, теперь располагалось чуть иначе.

За завтраком мы говорили — не о деле и не о море. О детстве. Его — Бостон, старший брат, отец-инженер, который строил мосты и умер, когда Алексу было семнадцать. Моё — Владивосток, мама-учительница, дед-рыбак, который брал меня на баркасе в море с четырёх лет и говорил, что море надо уважать, а не бояться, потому что страх делает человека мельче.

— Ваш дед был прав, — сказал Алекс.

— Он всегда был прав, — сказала я. — Это было его главным недостатком. Невозможно спорить с человеком, который всегда прав.

— Вы спорили?

— Постоянно. — Я откусила инжир — снова инжир с мёдом, Дамир, судя по всему, запомнил. — Он говорил, что спорить — это думать вслух. Что человек, который не спорит, не думает, а соглашается. А соглашаться легко. Думать — трудно.

Алекс молчал секунду.

— Он звучит как человек, которого я хотел бы знать.

— Он умер восемь лет назад, — сказала я тихо. — Я до сих пор иногда начинаю набирать ему сообщение. Рефлекс. Что-то вижу интересное — и рука тянется к телефону.

Молчание.

Тихое. Не неловкое — такое, которое бывает, когда человек рядом понимает, что утешение здесь не нужно, и просто — остаётся.

— Мой отец, — сказал Алекс медленно, — я думал о нём каждый раз, когда что-то шло не так. Не за советом. Просто — думал. — Пауза. — Потом перестал. Не знаю, когда именно.

— Это не значит, что вы забыли.

— Знаю. — Он смотрел на воду. — Но иногда хочется снова — думать о нём, когда что-то идёт не так. Не получается.

— Получится, — сказала я. — Иногда это возвращается. Он посмотрел на меня.

— Вы знаете это или просто говорите?

— Знаю, — сказала я. — По себе.

Он кивнул. Один раз. Медленно.

И не спросил больше ничего — но взял кружку и поднёс к губам, и в этом движении было что-то, что я не умела объяснить словами. Просто — человек, которому только что отдали что-то небольшое и настоящее, и он это принял. Осторожно. С тем уважением, которое люди не всегда умеют —

принимать чужое настоящее не разрушая его.

После завтрака Алекс предложил искупаться.

Не на пляже — «Meridian» спустил тендер, и мы отошли на нём к тем самым скалам, у которых начинался разлом. Вода у скал была именно такой, как я видела с борта — белой от прозрачности, с дном, видимым на семь метров. Солнце падало в неё вертикально и разбивалось там на светлые полосы, которые двигались вместе с мелкой рябью.

Я нырнула первой.

Вода была прохладнее, чем я ожидала, — не холодной, но достаточно, чтобы выбить воздух из лёгких на секунду и заставить тело проснуться полностью. Я открыла глаза под водой.

Видимость была метров двенадцать — больше, чем у борта. Дно — светлый песок с тёмными пятнами водорослей и скальных выходов. Рыбы — небольшой косяк зубаток прошёл сбоку, блеснул серебром и исчез. Ближе к скале — морской ёж, тёмный шар с иглами, неподвижный и самодостаточный.

Я всплыла.

Алекс был уже в воде — плыл в сторону скалы медленным уверенным кролем, как плавают люди, которые много времени провели в море. Я поплыла рядом.

У скалы мы остановились — держались за камень, смотрели вниз, туда, где светлый песок обрывался и начиналась темнота разлома.

— Вон там, — сказал Алекс. Капли воды у него на лице. Волосы мокрые — другой человек, снова. Каждая среда открывала в нём что-то новое.

Я смотрела вниз.

Разлом был виден как тёмная полоса — чёткая граница между светом и тем, куда свет не достигал. Двести метров вниз что-то жило. Медленное, холодное, прозрачное.

— Вы ныряли туда? — спросила я.

— До тридцати пяти метров. Дальше без оборудования нельзя.

— И что там?

— Тихо, — сказал он. — Очень тихо. И темнее, чем ты думаешь, даже на тридцати. — Пауза. — Это странное ощущение. Когда поверхность — вот она, видна над головой, светлая, и ты знаешь, что до неё несколько секунд. Но при этом — тишина. Полная. Только собственный пульс.

Я смотрела на него.

— Вам нравится?

— Да. — Он посмотрел вниз. — Там нет ничего лишнего.

Я подумала о том, что это — ключ. Маленький, незаметный, но точный. Человек, который ищет места без лишнего — на глубине, на яхте в открытом море, в немногих словах вместо многих.

Человек, которому лишнее мешает.

— Алекс, — сказала я.

— Что?

— Та тайна.

Пауза. Он посмотрел на меня — вопросительно, но без удивления. Как будто ждал.

— Вы сказали вчера утром — о результате и процессе. Что вам нравится результат, но это не одно и то же. — Я держалась за скалу. — Что случилось?

Долгое молчание.

Вода покачивала нас обоих — медленно, равномерно.

— Ничего конкретного, — сказал он наконец. — Просто — в какой-то момент понял, что строю очень большую и очень сложную машину. И машина работает. — Пауза. — Но я не помню, для чего строил.

Я смотрела на него.

— Когда это началось?

— Три года назад. — Он отпустил скалу, лёг на спину — лицом к небу, руки по сторонам, вода держала его сама. — После того, как закрыл самую крупную сделку в истории компании. Все праздновали. — Пауза. — Я вышел в ночь на палубу вот так же. Стоял и думал — что дальше?

— И что ответили?

— Следующая сделка, — сказал он тихо. — Других ответов не нашёл.

Я смотрела на него — плывущего на спине, лицом к небу, расслабленного так, как никогда не был расслаблен на палубе или за столом.

— А сейчас? — спросила я.

Он повернул голову. Посмотрел на меня — с воды, снизу вверх, в мокрых волосах и каплях на лице.

— Сейчас, — сказал он медленно, — мне в первый раз за три года интересно что-то кроме следующей сделки.

Тишина.

Только вода. Только далёкий крик чайки.

— Это из-за осьминогов? — спросила я.

Он засмеялся.

По-настоящему — полноценно, не тихо и не коротко, а просто засмеялся, лёжа на спине в воде у сардинской скалы, — и я смотрела на него и думала, что вот это — вот этот смех, живой и неожиданный — было, пожалуй, самым красивым из всего, что я видела за два дня. Красивее рассвета. Красивее виллы на холме. Красивее платья в шкафу.

— Вероятно, — сказал он, когда смеяться перестал. — Частично — из-за осьминогов.

— А частично?

Он смотрел на меня — лёжа на воде, серьёзно теперь, — и не торопился с ответом. Не потому что не знал. Потому что слова для этого нужно было выбирать.

— Частично, — сказал он тихо, — из-за человека, который пришёл на мой борт так, как будто имел на это право.

Я смотрела на него.

— Я перепутала причал.

— Я знаю, — сказал он. — И всё равно.

Вода качала нас обоих.

Где-то над разломом — в темноте на двухстах метрах — жило что-то медленное и холодное и прозрачное.

А здесь, у поверхности, у розовой сардинской скалы, в полдень, когда солнце стояло прямо над головой и дробилось в воде на тысячу светлых кусков — здесь было тепло.

И он смотрел на меня.

И я смотрела на него.

И это тянулось — секунду, две, три — то особое тяжёлое время, которое бывает в точке, после которой уже нет пути назад, потому что ты уже сделал шаг, или почти сделал, или стоишь на краю и знаешь точно, что сделаешь.

Я оттолкнулась от скалы.

Подплыла к нему.

Он не двигался — лежал на воде и смотрел на меня, пока я подплывала, — и что-то в его лице было очень тихим и очень сосредоточенным. Как перед нырком. Как перед тем, как отпустить воздух из лёгких и уйти вниз.

Я остановилась рядом. Держалась на воде сама — мы были на глубине, дна не было под ногами.

Его рука нашла мою под водой. Медленно. Без спешки.

— Ника, — сказал он. Тихо. Близко.

— Не говори ничего, — сказала я.

И потянулась к нему.

И он не говорил ничего.

Первый поцелуй у скалы был солёным от моря и осторож-

ным — как всё настоящее, которое не хочет сломаться раньше времени.

Он держал меня — одной рукой за талию, другой у воды — и мы оба держались на плаву, и это требовало усилия, и при этом было совершенно не важно.

Он целовал медленно — как делал всё остальное. Без спешки. Без лишнего. Только — то, что нужно.

И когда мы оторвались — оба одновременно, как будто по сигналу, которого никто не подавал, — он смотрел на меня с тем выражением, которого я у него ещё не видела.

Не спокойствие. Не оценка. Не тёмное тихое под поверхностью.

Просто — он. Без слоёв. Без упаковки.

Первый раз.

— Вот, — сказал он тихо. Как будто что-то подтвердил. Для себя.

— Вот, — согласилась я.

Мы плыли обратно к тендеру медленно — не торопясь, не разговаривая.

Солнце стояло в зените. Разлом был у нас за спиной. Впереди — якорная цепь «Meridian» уходила в воду, и борт яхты белел в свете, и всё это было очень конкретным и очень настоящим.

Два дня.

Я перестала думать о вертолёте.

Глава 7. Только вдвоём

На борт мы поднялись молча.

Не потому что говорить было не о чём. А потому что некоторые вещи после того, как случились, не нуждаются в немедленном комментарии. Они просто — есть. Занимают пространство. Дышат рядом с тобой.

Дамир встретил нас на палубе с полотенцами — молча, с тем профессиональным отсутствием взгляда, которое отличает хорошего стюарда от просто хорошего человека. Взял мокрую одежду. Принёс воды. Исчез.

Я стояла у поручней, вытирала волосы и смотрела на скалы — туда, откуда мы приплыли.

— Обед через час, — сказал Алекс сзади.

— Хорошо.

— Или позже, если хотите.

— Через час хорошо.

Пауза.

— Ника.

Я обернулась.

Он стоял в двух шагах — мокрый, с полотенцем на плечах, с тем выражением лица, которое я теперь знала: открытое, без упаковки. Смотрел на меня.

— Я не умею делать это медленно, — сказал он. — То, что начинается. Я умею либо не начинать, либо — полностью.

Я смотрела на него.

— Я знаю, — сказала я.

— Это не предупреждение.

— Я знаю, — повторила я. — Это и у меня так.

Он кивнул. Медленно. С тем серьёзным вниманием, с которым принимает информацию человек, для которого она важна.

— Тогда — через час, — сказал он.

И ушёл.

А я осталась у поручней и смотрела на скалы, и думала о том, что сказала правду. Что у меня тоже так — либо не начинать, либо полностью. Что именно поэтому я так редко начинала. Что именно поэтому последние три года моей жизни состояли из работы и моря и очень мало из всего остального.

Что, возможно, это была не добродетель.

Что, возможно, это была просто осторожность — та самая, которую я вчера ночью называла практичностью.

Тёплый ветер шёл с берега.

Где-то в глубине скал кричала чайка.

Я пошла в каюту — переодеться, выдохнуть, побыть минуту одной. Просто — одной. Просто — минуту.

Обед был простым.

Дамир поставил на кормовую палубу тарелки с холодным, — нарезанные помидоры с солью и базиликом, хлеб, белый сыр, оливки, что-то с анчоусами — и ушёл, и больше не появлялся. Не потому что его не звали — просто он умел чи-

тать пространство.

Мы ели. Говорили — о том о сём, о лёгком. Я рассказала про первую экспедицию — Тунис, двадцать два года, первый раз под водой с оборудованием, как я запуталась в шланге и профессор Ланге смотрел сверху с лодки с выражением человека, переосмысляющего свои педагогические решения.

Алекс слушал — внимательно, как всегда, — и в нужных местах улыбался. По-настоящему. Не почти.

Я поняла, что теперь буду считать именно настоящие улыбки.

Он рассказал про первый нырок на тридцать метров — как инструктор сказал, что главное не смотреть вверх слишком рано, что вид уходящей поверхности над головой у некоторых вызывает панику, — и как он специально смотрел только вверх, потому что хотел проверить, вызовет ли.

— Вызвало? — спросила я.

— Нет. — Он взял оливку. — Я почувствовал что-то другое.

— Что?

— Что поверхность — просто ещё одна граница. — Пауза. — Что за ней есть всё то же самое. Просто с другим давлением.

Я смотрела на него.

— Вы тогда уже думали вот так? В смысле — образами?

— Нет, — сказал он. — Тогда мне было двадцать три и я думал: не паникую, отлично. — Маленькая пауза. — Обра-

зами — это ваше влияние.

— Моё?

— Вы говорите образами. Постоянно. — Он посмотрел на воду. — Про разлом. Про мелководных осьминогов, которые тянутся к свету. Про горизонт, в который всегда что-то упирается в Москве.

— Это не образы. Это просто — как я думаю.

— Я знаю. — Он посмотрел на меня. — Именно поэтому.

Тишина.

Тёплая, послеобеденная, пропитанная солью и базиликом и тем особым качеством времени, которое бывает только в середине дня у моря — когда никуда не нужно идти и ничего не нужно делать, и это — не праздность, а что-то другое. Разрешение. Просто — быть.

Я редко позволяла себе просто быть.

— Алекс, — сказала я.

— Что?

— Вы сказали, что три года назад почувствовали — строите большую машину и не помните, зачем. — Я смотрела на помидоры на тарелке. — А до этого — помнили?

Долгая пауза.

— До этого мне было незачем помнить, — сказал он. —

Я просто делал.

— А теперь — незачем просто делать?

Он смотрел на меня. Долго.

— Что-то изменилось, — сказал он. — Не знаю что. Не

знаю когда. Просто — в какой-то момент понял, что ем правильную еду и сплю правильное количество часов и принимаю правильные решения. — Пауза. — А спрашиваю себя — зачем — и ответа нет.

— Это звучит одиноко.

Он посмотрел на меня. Не с удивлением — с чем-то более тонким.

— Да, — сказал он тихо. — Это одиноко.

Просто — да. Без смягчения, без немедленного опровержения. Просто признал — так же прямо, как признавал всё остальное, что было неудобным и настоящим.

Я не знала, что сказать.

Иногда — не нужно ничего говорить. Иногда достаточно — слышать.

Я потянулась через стол и накрыла его руку своей.

Он посмотрел на нашу руки. Потом на меня. И не убрал. Просто — перевернул свою ладонью вверх и сжал мои пальцы.

Лёгко. Крепко.

Мы сидели так — над остатками обеда, над тарелками с помидорами и хлебом, на кормовой палубе, пока солнце клонилось к западу и Сардиния светлела и темнела в зависимости от проходящих облаков.

И это было одним из самых простых и самых настоящих моментов за весь день.

Во второй половине дня Алекс работал.

Я не обиделась — не было оснований обижаться, да и желания тоже. Я устроилась на носовой палубе с ноутбуком и работала сама — составляла схему исследовательских точек, перечитывала данные по температурным аномалиям, написала длинное письмо профессору Ланге с объяснением ситуации и предварительными выводами по теоретической части.

Писала и думала о том, что хорошо работается.

Лучше, чем обычно.

Это было странно и одновременно нет — море помогало всегда. Но сегодня было что-то ещё. Какая-то фоновая теплота. Как будто за закрытой дверью горит свет.

В половине шестого Алекс вышел на палубу — без пиджака, с закатанными рукавами, с телефоном, который он на этот раз убрал в карман, а не держал в руке.

— Закончили? — спросила я.

— На сегодня, — сказал он. — Лондонский офис хочет звонок в восемь. До этого — свободен.

— Свободны, — повторила я. — Интересное слово для вашего контекста.

— Да, — согласился он. — Непривычное.

Он подошёл. Встал рядом — посмотрел на мой ноутбук, на схему исследовательских точек.

— Покажете?

Я подвинула ноутбук. Он сел рядом — близко, плечо к плечу — и смотрел на экран. Я объясняла — про точки,

про глубины, про то, почему именно эти участки, про температурные градиенты и миграционные паттерны. Он слушал — внимательно, задавал вопросы. Точные, неожиданные вопросы — не специалиста, но человека, который умеет думать в незнакомом пространстве.

— Здесь, — сказал он, указав на точку у западной Сицилии, — глубина меняется резко?

— Очень. Там несколько подводных каньонов. — Я потянулась к ноутбуку, открыла батиметрическую карту. — Вот. Видите — от двухсот до восьмисот метров в радиусе километра.

— И осьминоги там?

— Если повезёт — да. Именно там я надеюсь найти *Eledone cirrhosa* в нетипичных глубинах. Это часть гипотезы — что температурные аномалии вытесняют виды из привычных диапазонов.

— Вы будете нырять?

— С оборудованием — до сорока метров. Глубже — только аппараты.

— У экспедиции есть аппараты?

— ROV. Дистанционно управляемый. — Я закрыла карту. — Не самый современный, но для моих задач достаточно.

Он смотрел на меня.

— Вы любите это, — сказал он.

— Что именно?

— Всё это. — Он кивнул на ноутбук. — Не как работу.

Как — жизнь.

Я подумала секунду.

— Да. — Просто — да. — Это и есть одно и то же. Для меня.

— Вы говорили это раньше.

— Потому что это правда.

Он кивнул. Медленно. Задумчиво.

— Мне нравится смотреть на это, — сказал он тихо. —

На то, как у человека — жизнь и работа — одно.

— У вас не так?

— У меня — не знаю. — Пауза. — Было так. Давно.

— Может вернуться.

— Может.

Он смотрел на воду. Я смотрела на него — сбоку, не прямо. На линию скулы. На закатанный рукав, под которым был виден запястный сустав — крупный, чёткий. На пальцы, лежащие на колене.

— Алекс, — сказала я.

— Что?

— Вы сказали утром — что хотите провести два дня так, как будто после них не вертолёт.

— Да.

— Как именно?

Он повернулся ко мне.

Близко. Мы сидели близко — плечо к плечу — и теперь, когда он повернулся, расстояние между нами стало другим.

Не меньше в сантиметрах, но — другим. Потому что он смотрел на меня прямо, и я смотрела на него прямо, и между нами было то, что было с утра у скалы, и то, что было вчера ночью на палубе, и то, что было на террасе и на рассвете и во все предыдущие моменты — всё вместе, всё одновременно, тёплое и тяжёлое и живое.

— Вот так, — сказал он тихо.

И его рука поднялась — медленно, без спешки — и убрала волосы с моего плеча. Просто — убрала. Лёгким движением. И осталась — у основания шеи, тёплая, спокойная.

Я не двинулась.

Он смотрел на меня.

— Ника, — сказал он.

— Что?

— Можно — не спрашивать разрешения?

Я смотрела на него секунду.

— У скалы ты не спрашивал.

— У скалы ты первая потянулась.

— Это правда.

Пауза.

— Можно, — сказала я.

Он целовал иначе, чем у скалы.

У скалы было море и солёная вода и осторожность первого раза. Здесь — палуба, солнце в полнакала, тёплый воздух и никакой осторожности. Не потому что её не было — а потому что она сменилась чем-то другим. Уверенностью, что

ли. Тем знанием, которое появляется после первого раза и делает второй раз другим — более полным, более точным.

Его рука у основания моей шеи. Моя — у него на груди, пальцами чувствуя ткань рубашки и под ней — тепло, живое, конкретное.

Он целовал медленно — как делал всё остальное. Без спешки, без лишнего. И в этой медленности было что-то, от чего у меня перехватывало дыхание не резко, а постепенно — как вода поднимается в трещине в скале. Неотвратно. Терпеливо.

Когда мы оторвались — он остался близко. Лоб к виску. Дыхание у моей щеки.

— Звонок в восемь, — сказал он тихо.

— Знаю, — сказала я.

— До восьми — ещё полтора часа.

Я чувствовала улыбку в его голосе. Не видела — он был слишком близко. Но чувствовала.

— Полтора часа, — сказала я. — Это достаточно?

— Для чего?

— Для того, что ты имел в виду.

Он отодвинулся — ровно настолько, чтобы видеть моё лицо. Смотрел. В его глазах было то, что я теперь умела читать — тёмное и тихое и тяжёлое — но уже без попытки убрать.

— Нет, — сказал он. — Не достаточно.

— Тогда — с чего начнём?

Он поднялся. Подал мне руку.

Я взяла.

Каюта капитана располагалась на верхней палубе — отдельно от остальных, с отдельным входом, с иллюминаторами в две стены.

Я не была здесь раньше.

Она была больше моей — не намного, но заметно. Кровать — широкая, с тёмным льняным бельём. Стол у иллюминатора с несколькими книгами и навигационными картами, сложенными аккуратно. На полке — небольшой будильник, стакан с карандашами, ничего лишнего.

Пространство человека, который знает, что ему нужно.

Алекс закрыл дверь.

Обернулся.

И здесь — в этой каюте, в закрытом пространстве, без палубы и моря за спиной — всё стало иначе. Не страшнее. Просто — настоящее. Весомое. Как глубина.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

И подошёл — медленно, потому что всегда медленно — и взял моё лицо в ладони. Обе. Так, как берут что-то хрупкое — не потому что думают, что оно сломается, а потому что понимают, что оно настоящее.

— Ника, — сказал он. Тихо. Совсем тихо.

— Не нужно ничего говорить, — сказала я снова.

— Нет, — сказал он. — Это — нужно. — Пауза. — Я хочу, чтобы ты знала — это не часть договора. Это не легенда. —

Его большие пальцы были у моих скул. — Это — отдельно от всего остального.

Я смотрела на него.

— Я знаю, — сказала я.

— Хорошо.

— Алекс.

— Что?

— Замолчи.

И снова — как у скалы — я потянулась первой.

Он раздевал меня медленно.

Снял толстовку — осторожно, как снимают что-то ценное, — и отложил в сторону. Остановился. Смотрел на меня — так, как смотрят, когда хотят запомнить. Не торопливо, не голодно. Внимательно. С тем качеством присутствия, которое делало всё, что он делал, — настоящим.

Я растегнула верхние пуговицы его рубашки.

Его руки — на моих плечах, тёплые. Потом ниже — по позвоночнику, медленно, как будто считают позвонки. Я чувствовала каждый сантиметр его ладоней сквозь тонкую ткань майки, и это уже само по себе было слишком много и одновременно недостаточно.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо.

— Я знаю.

— Тебе холодно?

— Нет.

Он посмотрел на меня. Понял. Провёл ладонью от плеча

к локтю — медленно, успокаивающе — и ничего не сказал.

Иногда молчание — это самый точный ответ.

Мы легли на его тёмное льняное — он и я — и он был рядом, большой и тёплый, и его руки были внимательными. Не торопливыми. Не требовательными. Просто — внимательными, как всё в нём было внимательным, — и это было совсем другим, чем всё, к чему я привыкла.

Я привыкла к тому, что люди торопятся.

Он не торопился.

Он знал — и каким-то образом это знание передавалось мне — что медленное горение даёт больше тепла, чем быстрый огонь.

Его губы у моей ключицы. У основания шеи. Медленно вниз — по тому пути, которым шли его руки. Я держала его — пальцами у лопаток, у плеч — и потолок над нами покачивался в ритме качки, которая здесь была едва заметной, почти иллюзорной.

— Смотри на меня, — сказал он в какой-то момент.

Тихо. Приказ — но не властный. Просьба, у которой есть форма приказа.

Я посмотрела.

Его лицо над моим — близко, серые глаза тёмные и серьёзные — и в них не было ничего спрятанного. Ничего за слоями. Просто он — настоящий, полностью, как бывает только в самые настоящие моменты.

— Алекс, — сказала я.

— Я здесь, — сказал он.

И был.

Потом мы лежали рядом.

Иллюминаторы ловили вечерний свет — золотой, длинный, горизонтальный. Сардиния где-то там, за водой, за скалами, за разломом. Чайки замолчали. Море стихло.

Его рука лежала у меня на плече. Тяжёлая. Тёплая.

Я смотрела в потолок.

Думала о том, что в жизни есть несколько видов моментов. Есть большие — судьбоносные, очевидные, которые ты узнаёшь сразу и которые потом помнишь как точки отсчёта. И есть маленькие — тихие, простые — которые ты узнаёшь только потом. Которые важны не потому что изменили всё, а потому что изменили тебя. Немного. Незаметно. В ту сторону, в которую нужно.

Этот был, кажется, и тем и другим одновременно.

— О чём думаешь? — спросил он.

Я улыбнулась.

— О мелководных осьминогах.

Пауза.

Потом его грудь под моей щекой — я перевернулась, не сразу это заметила — начала двигаться. Тихо. Ритмично.

Он смеялся.

По-настоящему — беззвучно почти, но я чувствовала это всем телом. Тепло смеха, живого, настоящего.

— О них, — повторил он.

— О том, что они тянутся к свету, — сказала я. — Даже зная, что он их демаскирует.

Молчание.

Потом его рука — та, что лежала у меня на плече, — переместилась. Нашла мою. Переплела пальцы.

— Значит, ты — мелководный, — сказал он тихо.

— Я всегда была мелководным, — сказала я. — Просто не всегда позволяла себе тянуться.

Пауза.

— А я? — спросил он.

Я думала секунду.

— Ты ныряешь на тридцать метров и смотришь вверх, — сказала я. — Чтобы проверить, запаникуешь ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.